

АЛЕКСАНДР БАБИН

ТИХУШИНИК

Александр Бабин

Тихушник

«Издательские решения»

Бабин А. Ф.

Тихушник / А. Ф. Бабин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830658-7

Пропал журналист. Найден его автомобиль, стоящий напротив здания ФСБ. В багажнике обнаружена кровь. Сомнений не остается — он убит. Вскоре происходит еще одно убийство — застрелен кандидат в губернаторы. Расследованием занимается «Шестой отдел». Один из его сотрудников — Семенов Александр — подключается к раскрытию убийств. Его методы в розыске преступников никак не вписываются в образ сотрудника уголовного розыска. По этой причине коллеги наделяют его прозвищем «Тихушник».

ISBN 978-5-44-830658-7

© Бабин А. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Тихушник

Александр Федорович Бабин

© Александр Федорович Бабин, 2016

ISBN 978-5-4483-0658-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Идут губернаторские выборы. Пропал журналист. Найден его автомобиль, стоящий напротив здания ФСБ. В багажнике обнаружена кровь. Сомнений не остается – он убит. Вскоре происходит еще одно убийство – застрелен кандидат в губернаторы. Расследованием этих преступлений занимается «Шестой отдел». Один из его сотрудников – Семенов Александр подключается к раскрытию убийств. Его методы в розыске преступников и нестандартная манера общения с гражданами, никак не вписываются в образ сотрудника уголовного розыска. В этой связи коллеги наделяют его «говорящим» прозвищем «Тихушник», за его характер и методы борьбы с организованной преступностью.

Автор Александр Бабин так же, как и герой романа, ранее служил в Управлении по борьбе с организованной преступностью в отделе по борьбе с бандитизмом и терроризмом, вот почему эта тема ему знакома не понаслышке. Несмотря на то, что книга «Тихушник» художественное произведение, у читателей периодически будет возникать ощущение того, что когда-то в жизни они такое уже видели или слышали. Реалистичность сюжетов стала возможна в том числе, и вследствие изложения всего с юмором.

Предыдущая книга Александра Бабина «Счастье быть русским» не оставила читателей равнодушными. Тема деревенской жизни близка русским людям, ведь у каждого второго жителя нашей страны – есть корни сельского жителя, к тому же за основу взят не совсем обычный сюжет.

Александр Бабин

Все персонажи данной книги являются вымышленными. Любое сходство с реально существующими лицами случайно

Глава 1

– Ну наконец-то появился! Что так долго? Мог бы позвонить, вечер уже. Я себе места не нахожу; мэр дважды звонил, тоже беспокоится. Уже пятую кружку кофе допиваю! – сказал Александр Сергеевич, перебирая слова (которые можно было уменьшить втрое), поднявшись из кожаного офисного кресла и присев на край стола.

– Во-первых, сначала зашёл в УВД, к бывшим коллегам. Все оперá на ухах стоят, начальник розыска – темнее ночи: боится, что уголовное дело к ним может попасть. Сами понимаете: убийство журналиста – это не Васю Пупкина какого-нибудь замочили. Дело носит политический характер. Пока все следственные действия ведут прокуратура с шестым отделом, но кое-что мне удалось выяснить, – ответил Андрей.

– Ну, говори, не тяни резину...

– Труп не нашли, как я вам утром докладывал. А вот автомобиль журналиста – стоит, как стоял, напротив здания ФСБ. Пост около него выставили, прохожих всех фиксируют на камеру... Не знаю, кого только ждут? Думают, преступник к нему вернётся? Эксперт машину осмотрел – в багажнике и в гараже журналиста нашли кровь. Видимо, его поджидали около авто, там хлопнули, затем погрузили в багажник и отвезли куда-то... Возможно, уже прикопали в лесу или утопили, а машину бросили специально напротив ФСБ: что, мол, съели? Одно не пойму – на что им было так рисковать? Без доверенности на автомобиль далеко ли уйдёшь – гаишники в любой момент задержат. Тем более ночью, любой водитель под подозрение попадает. Мне начальник угро рассказал, что за рискованные ребята эти преступники. А может, за рулём был бывший сотрудник милиции или ФСБшник? Видеокамеры на здание ФСБ в поле зрения авто не попадают, так что число участников неизвестно. Маршрут они проработали заранее, и видеокамер поблизости нет. – Андрей, прервав рассказ, налил себе в кружку кофе и медленно стал размешивать ложкой сахар.

– Что, правда никаких зацепок? Не может быть – жену, родственников, друзей опросили, а обыск в квартире и офисе не провели? – ответил Александр Сергеевич, не зная, что ему дальше делать – снова сесть в кресло или, успокаивая себя, туда-сюда ходить по кабинету.

– Я не договорил. Во-вторых, встретился с бывшим коллегой, – вы его знаете, Сергей Чуркин, он сейчас в шестом отделе работает. Он немного дополнил информацию, хотя она скудная – его в опергруппу не включили, всё покрыто тайной. ФСБшники тоже участвуют в раскрытии убийства. При обыске у журналиста в квартире нашли несколько экземпляров его книги: рукопись, наброски к ней и записную книжку, в которой были записи лиц, плативших ему за статьи. Компьютер изъяли. Видимо, он всех водил за нос, двурушничал – нашим и вашим. По крайней мере, вы сами говорили, что вместе с мэром ему приплачивали, чтобы он писал о вас статьи и при этом якобы критиковал в них вас – для конспирации. Иметь «засланного казачка» в стане врага, да ещё в самом центре команды – своих конкурентов на пост губернатора – большая удача. Сергей назвал несколько фамилий из его книжки, в том числе и вас упомянул. Помните, я ещё до начала избирательной компании вам говорил – раскрывать все карты журналисту нельзя? Вы ещё мне ответили, что начальник службы безопасности мыслит недалёковидно. Конечно, я не обиделся на ваши слова, но был прав.

– Ладно, к чему старое вспоминать... Вот сука! Я мэру тоже говорил – нельзя доверять ему всё, что мы планируем делать на выборах. Так нет, не послушал меня, сказал – можно. Давно с ним работает, ещё с исполкома. Многое ему сделал, помог квартиру получить, в газете редактор – не последний человек, да и так деньги подбрасывал. Вот на издательство книги дал, большая часть – его, – рассуждал Александр Сергеевич.

– У меня есть адвокат – бывший прокурор, так он всегда говорит: «Что не могут сделать деньги, то смогут сделать *большие* деньги, что не могут большие деньги, то смогут сделать

очень большие деньги». Ему пришлось немного в тюрьму присесть – но быстро вышел. Деньги решают всё, а тут такие привилегии были к этому журналюге со стороны влиятельных лиц, что соблазн был большой – устоять перед деньгами невозможно, вот за это и поплатился, – ответил Андрей.

– Что следаки говорят? Какой мотив убийства – заказной, политический или другой?

– Заказной, конечно – сомнений ни у кого этот факт не вызывает: машину не взяли, труп не могут найти. Из своей практики знаю: такие преступления тщательно готовятся, и раскрыть их быстро редко удаётся, особенно доказать причастность к преступлению. Если найдут, то исполнителей живых уже нет. Как говорят в Одессе: «Немного мёртвые – лишние свидетели». Ну а если посчастливится найти – сначала жулики по глупости вину свою признают, когда их оперá немного попрессуют, зато потом, при встрече с адвокатом, он им быстро мозг прочистит. И дело уже по другому сценарию пойдёт – жулики сразу вспомнят Статью 51 Конституции и пойдут в отказную. – Андрей допил кофе, налил себе ещё кружку и продолжил рассказ на своём бывшем профессиональном милицейском жаргоне.

– Сейчас надо подумать, как нам себя на следствии вести. Не сегодня, так завтра оперá к себе вызовут на беседу, поэтому надо линию защиты общую с вами выстроить. С мэром тоже не помешало бы переговорить по этому поводу, а то запутаемся в показаниях: дойдёт до очных ставок и получится, что из свидетелей в подозреваемые запишут.

– А что они сейчас делают и что могут сделать в ближайшие часы? – спросил Александр Сергеевич.

– Круг знакомых у журналиста устанавливают. У операторов связи, распечатку телефонных переговоров берут – а может, уже взяли, – изучают, анализируют. Наверно, в оперразработку взяли всех тех, кто с ним контактировал... Думаю, вам с мэром тоже прослушку на телефоны поставили и ноги сделали.

– Какие «ноги сделали»? – поинтересовался Александр Сергеевич, не понимая жаргон начальника службы безопасности.

– Наружное наблюдение, значит. Ходить будут за вами: куда вы идёте, туда и они... хотя вряд ли – вы же не жулик. Семью имеете, живёте в одном месте – это им ничего не даст. А вот телефон на прослушку поставят точно. Я даже думаю, давно поставили – когда вы стали кандидатом в губернаторы. Ну а мэр постоянно у ФСБшников на прослушке – всё-таки он не последний человек в городе; это их профессиональная обязанность – быть в курсе его деятельности, да и его безопасность тоже в их компетенции.

– Хуже нет – ждать, догонять и быть в неведении. До дня голосования всего ничего остаётся, а тут – на тебе! Врагу не пожелаешь. Сейчас СМИ сразу найдут, кому выгодно его смерть. Ещё и меня к этому убийству приплетут. За окном XXI век, а вернулись снова в девяностые: ликвидация конкурентов. Да никому его смерть не выгодна, просто кто-то так хочет столкнуть нас лбами с губернатором, – сказал Александр Сергеевич.

– Вряд ли. Я всё-таки думаю – тут что-то личное, не политическое, это моё мнение... Вам и мэру его смерть не выгодна, хотя на карандаш вас возьмут. Вы же книгу его читали? Зачем он в ней пишет о губернаторе, как о больном человеке – якобы в детстве нужду справлял на простыню? Кто угодно такое делал, когда под стол пешком ходил. Это же унижение мужского достоинства, тут любой мужик за такие слова морду набьёт. Да и уважаемых людей в нашем городе не с лучшей стороны прописал – якобы они местная мафия. Тоже могли на него обидеться. Про коррупцию написано правильно – такая информация для избирателей нужна для ознакомления, часть голосов можно оттянуть, но унижение человека – это лишнее.

– Ты, кроме Чуркина, ещё с кем-то из шестого отдела знаком? Знаешь, кто в опергруппу включён? Или выход на них хоть какой-то есть, чтобы побольше узнать информации по этому делу?

– Сергей сказал – в группу включили самых опытных оперов, одного я знаю – Семёнов Саня. Встретиться с ним могу, но он знает, что я работаю у вас начальником службы безопасности. Я ему об этом говорил – да они и документы в кадрах проверят, оформлен официально. Тут никак не проканаает его обмануть – мол, интересуюсь убийством якобы из любопытства. Саня вообще опер авторитетный, что в блатных кругах, что в оперских. Его даже ФСБшники немного побаиваются. Ещё и поди пойми, разговаривает он с тобой так просто по-дружески или ведет разведопрос. В беседе не заметишь, что не ты с него информацию поимеешь, а он с тебя. Разговорит так мастерски – любой артист позавидует, – сказал Андрей, достав из кармана пачку сигарет, вынул одну и закурил. Сел снова в кресло, пододвинул к себе пепельницу на журнальном столе, и всем своим видом показывая шефу, насколько велика сейчас его значимость в этом деле, как начальника службы безопасности. Все дальнейшие действия шеф будет согласовывать с ним.

– Ты всё равно попробуй с ним встретиться и переговорить до того, как нас могут вызвать в следствие. Чувствую, так просто не дадут спокойно провести предвыборную агитацию. Первое, о чём на допросе допытываться будут, – давал деньги журналисту? Отпираться будет бесполезно – придётся говорить правду, чтобы не запутаться в показаниях. Скажу —оказывал спонсорскую помощь, ведь нужно поддерживать творческих людей, всё-таки они несут в массы культуру. А уж как и что он там записал в своей книжке про мои деньги —пускай остаётся на его совести. Я же не могу контролировать его действия – в России же независимые СМИ.

– Во! Вижу, вы успокоились, стали трезво смотреть на ситуацию. Вот бы ещё мэр так же себя повёл. Да, чуть не забыл сказать – сегодня ночью гранату через окно забросили в штаб СПС, оказалась муляжом. У меня там знакомая девчонка при штабе, так она на работу теперь боится идти. Думаю, так попугать хотели, чтобы не зазнавались. Или сами привлечь к себе внимание хотели – так кому они сейчас нужны, эти либералы, – только геем... Журналисты раздуют по этому случаю из мухи слона – повод для них есть, хлебом не корми.

– Нам нужно с вами решётки на окна поставить и жалюзи повесить: сидим на первом этаже, как в аквариуме. Меньше у вздыхателей будет соблазна тот же камень бросить в окно, – отреагировал Александр Сергеевич на слова Андрея.

– Можно, только скоро выборы закончатся – зря только деньги потратим. А вот вам поберечься будет нужно. «Бережёного Бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт», – есть у нас, оперов, такая поговорка. Я думаю, заказчик одним убийством журналиста не отделается – большие деньги поставлены на кон. Быть губернатором – значит, иметь всё, что пожелаешь, можно сказать – «Бог на земли».

– Что предлагаешь?

– Нужно подумать, – сказал Андрей, снова показав своим видом, что сейчас он практически второй по значимости человек в команде кандидата в губернаторы Александра Сергеевича. Ведь жизнь шефа с его «заводами-пароходами» несравнима со значимостью начальника службы безопасности и его умом.

– Александр Сергеевич? К вам мэр не может дозвониться, сейчас подъедет, – сказала секретарша, приоткрыв дверь кабинета шефа.

– Фу ты! Пока с тобой разговаривал, телефон отключил. Наверно, что-то случилось, если сам едет ко мне. Сидим, как на пороховой бочке, никакой дополнительной информации нет, – заволновался Александр Сергеевич.

– Что вы волнуетесь? Рабочая обстановка. Всегда так бывает – сначала знает всю информацию по убийству только опергруппа, через два дня – весь город, – ответил Андрей.

– Так это вы там в ментовке к трупам привыкли! Вам хоть бы что, а нам, гражданским, – шок.

– Хорошо, давайте подождём мэра. Видимо, ему больше известно информации об убийстве. У него во всех силовых структурах имеются свои люди... А может, его уже самого за одно место прихватили, – неприкасаемых для прокуратуры нет...

– Что ты всё каркаешь! – сказал Александр Сергеевич, подойдя к шкафу с бутылками и не зная, выпить ли ему сейчас вина, – вдруг хоть это поможет справиться с волнением или дождаться мэра.

Дверь в кабинет резко распахнулась, и в кабинет не вошёл, а ворвался мэр.

Глава 2

– Да, войдите, присаживайтесь... Отслужил, солдат? – сказал мне военком, когда я, попросив разрешения, вошёл в его кабинет. Он взял с края стола папку с надписью «Личное дело старшего сержанта Семёнова Александра Фёдоровича 1961 года рождения, воинская часть 03483» и положил напротив себя.

– Так точно! – бойко отрапортовал я ему, не понимая – зачем старший лейтенант, поставивший меня на воинский учёт, попросил зайти к военкому, и для чего ему понадобилось моё личное дело.

– Как вам живётся на гражданке – привыкаете? Какие планы на жизнь?

– Снова пойду на завод работать электриком, а весной попробую поступить в машиностроительный институт.

– Это хорошо, что хочешь получить высшее образование, – ответил военком, листая странички в моём личном деле.

«Зачем меня попросили зайти к военкому? Почему его заинтересовало моё личное дело?.. Видимо, есть какие-то ко мне вопросы, или из армии поступил запрос в отношении меня?.. Так я уволился с почётом, замечаний не имею – всей частью провожали, даже просили остаться и продолжить службу», – всё рассуждал я, не понимая, какие цели он преследует, расспрашивая меня.

– Вот смотрю – в личном деле написано, что вы имеете допуск к секретным документам, относящимся к особой государственной важности? Редко кто в стране имеет такую категорию, – сказал он, посмотрев на меня, прищурив глаза и как бы проверяя мою реакцию на его слова.

«Дурачок!» – подумал я. – «Нам в армии майор Кассий, начальник особого отдела, весь мозг вынес, пока не научил молчать как рыба в воде, не говоря уже о секретных документах, за разглашение которых не только на гаупвахту – за решётку угодишь».

– Вы по воинской специальности являетесь специалистом засекреченной связи ракетных войск стратегического назначения и имеете допуск не только к секретным, совершенно секретным документам, но и к документам особой государственной важности и были начальником аппаратной ЗАС? – сказал он, всё допытываясь, чтобы я подтвердил его высказывание.

– Вы что хотите от меня услышать – что имею допуск к документам особой государственной важности, или что-то другое? Посмотрите внимательно: в деле имеется подписка о неразглашении государственной тайны. Она даётся на десять лет. Поймите меня правильно, не имею права ни с кем разговаривать на эту тему, – ответил я, уже начиная утомляться его расспросами о бывшей службе.

– Вы служили на командном пункте ракетных войск стратегического назначения в городе Чита-40, в/ч 03483?

«Да что это такое происходит! Военный человек, не последней должности в военкомате, в звании подполковника, – а ничего не понимает. Задаёт вопросы, которые и вслух нельзя произносить. А если в кабинете подслушивающий „жучок“? По крайней мере, нас учили в учебном центре ракетных войск, что шпионы не спят. Что воинские части, первая цифра обозначения которых 0, являются секретными. А он напропалую шпарит, даже не стесняясь. Прав был мой отец, когда говорил о таких людях: тупее военного человека он в жизни не встречал. Он врать не будет – послужил в органах Государственной безопасности, когда проходил срочную службу в Германии в начале пятидесятых годов под руководством товарища Берии, и повидал в жизни всякое. Рад бы не поверить его словам – разные есть люди среди военных, но вот, пожалуйста – живой пример его слов», – размышлял я.

– Я пригласил вас к себе сказать, чтобы вы сейчас сходили в одно заведение – тут недалеко, по Ленина, 10. Вас там ждут в отделе кадров.

– А что за заведение? – ответил я.

– Комитет государственной безопасности.

– А что случилось? Для чего я им? – Я похолодел: КГБ!

– С вами хотят побеседовать... Я им сейчас позвоню, чтобы не откладывать в долгий ящик. Прямо сейчас и идите, – сказал он в приказном порядке.

Ну, началось!.. Не успел уволиться со службы, как тут, на гражданке, уже какой-то военком пытается командовать надо мной, не понимая, что я уже не в его подчинении. Разве что в косвенном, да и то когда начнётся война, – но её пока, слава Богу, нет. Зачем я им понадобился? Непонятно, но нужно идти. С таким серьёзным заведением, как КГБ, не шутят.

Вышел из военкомата и направился в сторону улицы Ленина, к дому под номером 10, который каждый житель в нашем городе знает и старается обойти стороной.

В это заведение можно зайти. Но вот выйти – только через несколько лет и в другом регионе, возможно, в таком далёком, что из населения только одни чукчи, а из животных – олени. По крайней мере, так говорил отец, которому «посчастливилось» пройти службу в этом заведении в должности водителя начальника контрразведки. Хотя он и рассказывал немного о службе, радости в его рассказах было мало. Охраняли и контролировали немецких военнопленных, оставшихся после войны, которые на границе Германии с Чехией в шахтах добывали и отправляли в нашу страну урановую руду – для оборонной промышленности. Работа серьёзная, были диверсии со стороны пленных и жителей Германии, которые не смирились с победой русского народа над ними, – во всяком случае, так рассказывал отец.

В нашем городе нет военнопленных, но, прочитав книги о репрессиях со стороны этой службы в 37 году, как-то не хочется побывать в этом заведении, причастном к убийствам ни в чём не повинных людей.

Мне уже довелось столкнуться нос с носом с таким человеком, когда проходил срочную службу – тем самым «товарищем» майором Кассием из особого отдела. Назвать его товарищем никак язык не поворачивается, а говорить приходилось в силу субординации, когда он, имея допуск к секретным документам, каждые шесть часов заходил в аппаратную – проверить, всё ли у нас в порядке с ними? Как и военком, Кассий имел такую же привычку прищуривать глаза и говорить одни и те же слова: «Не видать тебе дембеля, как своих ушей, товарищ старший сержант Семёнов!» – найдя очередной кусочек несгоревшей бумажки в печи для сжигания секретных документов после сеанса связи с центральным командным пунктом ракетных войск. Как ему было не лень клюкой ковыряться в печи и отыскивать кусочки несгоревшего документа? И каждый раз с осторожностью вынимать их из печи, отряхнув от золы, и клеить в свою тетрадь для фиксации нарушений по режиму работы с секретными документами. Добавляя к своим словам угрозы в мой адрес: «Плачет по тебе не гауптвахта, а тюрьма, Александр Фёдорович», – Кассий делал в тетради запись, что у меня имеется очередное нарушение – третьей категории, по его шкале наказаний. Хорошо, что третьей категории! Будь это первая – всё, мне конец: наручники бы надел или расстрелял.

Никто из солдат его не видел улыбающимся – то ли профессия сотрудника особого отдела запрещает это, то ли в процессе службы наложился на его лицо такой нехороший отпечаток. Нет, не хотел бы я иметь профессию сотрудника КГБ, если это значит быть таким букой, – хотя фильмы про разведчиков мне нравятся. Главное, они всегда выходят во всех ситуациях победителями... Фильмы – это одно, а вот зачем я им понадобился, этому серьёзному заведению? Не знаю. Но вскоре узнаю.

На посту меня встретил прапорщик, попросив предъявить паспорт.

– Вы по какому вопросу? – сказал он. Видимо, эта фраза стала для него дежурной, и ею он встречал любого, кто зашёл в заведение.

– Моя фамилия Семёнов. Вам звонили из военкомата минут пятнадцать назад. Со мной хотят побеседовать в отделе кадров.

– Сейчас вам выпишу пропуск. Мне о вас доложили. Вам нужно пройти на второй этаж, кабинет номер двадцать четыре.

Взяв пропуск, я подошёл к лестнице и стал по ней подниматься, думая о встрече с сотрудником КГБ. Что тут скажешь, энергетика в этом заведении не райская, – чувствуется тяжесть в ногах. Представляю, сколько людей поводили по ней вверх и вниз... А некоторые так и не поднялись обратно в кабинеты на допросы – их расстреляли прямо в своём подвале.

Подошёл к двери указанного в пропуске кабинета, постучал, открыл её, вошёл и по военному доложил: «Здравия желаю! Старший сержант Семёнов». Не знаю, зачем и сказал, – наверно, страх овладел мною, и я не мог с ним справиться. Взял и отрапортовал – в надежде, что зачтётся при допросе с комитетчиком.

– Здравствуйте, Александр Фёдорович! Проходите, садитесь, – дружелюбно ответил одетый в штатское сотрудник КГБ.

«Интересно, какое у него звание? На вид лет около пятидесяти – значит, подполковник, не меньше», – подумал я, готовясь к беседе с ним, успевая делать анализ его высказанных слов и описание его внутреннего характера. Ведь это мой конек – изучать людей по внешности, высказываниям и задаваемым вопросам – привычка, оставшаяся со службы в армии.

– Подполковник Бабич, – представился он, взял со стола документы и стал внимательно их читать.

Угадал! Интуиция меня не подвела. «Бабич – интересная фамилия, наверно, еврейская», – размышлял я, внимательно рассматривая его черты лица. Но в КГБ людей этой национальности не берут – так, по крайней мере, мне рассказывал отец, послужив сам в этом заведении. Практика показала, что им находиться в таких серьёзных государственных структурах нежелательно: клановостью обрастают, да и их якобы причастность к смерти Сталина ещё не забыта людьми из КГБ. Берия на них был также зол – без всякой причины выселял из Москвы «за сто первый километр», чтобы «не мучили воду», как в семнадцатом году. Идiotы – только такое слово для них и подходит. Без счёту порядочных евреев, да и людей других национальностей, убыло за границу из-за таких вот работничков НКВД. Хотя как разведчики они – самые лучшие. По крайней мере, так говорят в народе и пишут в книгах. Особенно ценны те, кто проживает за рубежом. «Без мыла залезет в любую щель»? Так разведчик и должен быть по характеру таким. Якобы в книгах пишут – предательство у них в крови, хотя я таких людей среди своих знакомых не встречал. У меня есть несколько знакомых этой национальности, один дружок – вместе на заводе работали – ещё до службы в армии, и сейчас с ним дружим. Он отличный парень, и родители у него интеллигентные, но почему-то некоторые недоумки из нашей страны на них в обиде. Даже у Гитлера на этой почве «крышу снесло» – хотел их уничтожить на пару с русскими и цыганами.

В народе говорят – у них, мол, Родины нет, как и ничего святого за душой, и в стране, мол, их ничто не держит, но я с такой формулировкой не согласен. Да, у них больше возможностей выехать за рубеж, чем у других национальностей – тут не поспоришь. Родственники у них по всему миру имеются. Хочешь – поезжай жить в Израиль, где после войны им дали территорию для проживания, так как они не имели таковой, или в Европу, Америку, – любая страна примет. Народ талантлив, трудолюбив, но у некоторых из них руки иногда тянутся к чужой казне – якобы гены берут своё, утверждают некоторые люди. Хотя так можно сказать про любую нацию – и цыган с их конокрадством, да и русские тоже в последнее время недалеко от них ушли – тащат с заводов всё подряд. Нечего на зеркало пенять, коли своя рожа крива, – пословица такая есть. У всех наций есть вороватые люди, но почему-то все «шишки» валяются на одну. Про евреев открыто никто из государевых мужей не говорит плохое, а вот за глаза все

вокруг шепчутся, вплоть до слесаря из местного ЖЭКа. Некоторые люди завидуют им в силу своей необразованности, остальные – находят причину всех своих бед в окружении.

В Израильском Моссаде тоже мусульман нет – безопасность государства превыше всего и обижаться не на кого. А в такие серьёзные заведения, как КГБ, берут людей определённой национальности – большей по численности в данной стране. Так рассуждал я.

Да, моя привычка делать анализ всего, что со мной происходит, навязанная особистом в армии, не даёт мне спокойно сидеть и ждать, что скажет дальше товарищ сотрудник КГБ. Даже произнесённая фамилия Бабич была мной разложена по косточкам. Зачем и для чего это делаю – не понимаю? Может, пригодится для будущей профессии? Но я её пока на горизонте не вижу.

Подполковник записал что-то в ежедневник, бросил взгляд на меня и снова стал изучать документы.

А может, он по национальности белорус? Фамилии у них ведь могут напоминать некоторые еврейские? Будет спрашивать о секретах, как военком – не знаю, можно ли ему говорить об этом, и имеет ли он допуск к секретным документам... Хотя какая разница, кто по национальности, – был бы адекватным, да и не 37 год сейчас. Посмотрю по ситуации. Видимо, имеет допуск – ведь они работают с военными заводами, контролируют всю их продукцию – в том числе аппаратуру, которая у нас была в аппаратной, – да и шпионов ловят. Значит, часть информации мне можно раскрыть, хотя лучше бы помолчать: обманет как пить дать, это его работа.

Интересно, как они людей подбирают в КГБ – по фамилии, что ли? У нас в армии – майор Кассий, здесь – Бабич. Нет чтобы Иванов или там Степанов. Наверно, с такими фамилиями сотрудники тоже нужны – легче входить в доверии к людям с одинаковым вероисповеданием и найти контакт (а им, как-никак, приходится сталкиваться с такими повседневно). Вот у нас в армии к секретной аппаратуре не допускали людей других национальностей, кроме русской, украинской и белорусской. Хотя в части были солдаты других национальностей (к примеру, мордвины), это были в основном радисты, автомобилисты. Да и то они между собой выясняли отношения – кто из них круче в их республике, ведь в Мордовии тоже делятся на два этноса – мокша и эрзя. Мне, как замком-взвода, постоянно приходилось им напоминать – в армии все равны, как и в нашей стране, не ссорьтесь. Хорошие ребята – мордвины, столько друзей у меня было среди них – не сосчитать. Интересно было бы узнать, как они сейчас устроились на гражданке?..

– Александр Фёдорович, мы вас попросили к нам зайти, чтобы пригласить вас работать у нас в КГБ, – сказал мне с ходу подполковник, даже не побеседовав со мной.

– Для меня это неожиданное предложение... Не знаю даже, что вам сказать, – ответил я, но мой «аналитический» мозг замер в ожидании и не давал никакого импульса. Видимо, не такой уж он аналитический, если я не смог предвидеть, что меня вызвали в КГБ только затем, чтобы предложить работать у них.

– Мы изучили вашу биографию и личное дело, а ещё пришёл положительный ответ из воинской части. Вы нам подходите по всем параметрам, – так что ответ за вами.

– А что за работа у вас, и какую должность вы мне предлагаете? И... у меня нет пока высшего образования...

– Сначала немного поучитесь. Аппаратура примерно такая же, как была в армии; главное – у вас есть допуск к секретным документам. И должность идентична записанной в вашем военном билете – прапорщик. Мы поможем поступить в институт. В дальнейшем присвоим звание офицера.

– Мне нужно подумать. Я не готов дать сразу ответ, у меня планы на дальнейшую жизнь были совсем другие – не связанные с ношением военной формы...

– Хороший ответ. Недели вам хватит подумать?

– Конечно... А всё-таки я хотел бы посоветоваться с отцом: он раньше служил в вашем заведении, но давно – в начале пятидесятых годов.

– Тем более. У вас все пути ведут к нам, так что продолжите семейные традиции. Ещё один вопрос – родственников у вас за границей нет? Может, в Израиле кто-нибудь проживает – сейчас много уезжают в эту страну, а у нас с этим строго?

– У меня нет родственников за границей – все живут в России.

Почему он спросил об этом, да ещё назвал именно Израиль? Интуиция снова не подвела меня по части суждений о значении фамилии и национальности Бабича. Нет, тут дело не в интуиции – логика сработала, отец раньше мне говорил об отборе сотрудников для работы в КГБ. Да и КГБист, видимо, перестраховывается – примет меня на работу, а я возьму и укачу с секретными документами к родственникам за рубеж, и ищи меня потом, как ветра в поле. Большая ответственность лежит у КГБиста – рисковать не хочет, ведь в душу каждого человека не заглянешь, тем более меня он видит впервые. Я русский человек, дальше нашего города меня никто не ждёт с распростёртыми руками, так что бояться за меня ему нечего. Мне казалось, что времена Сталина уже в прошлом, – оказывается, ещё не настолько, если в КГБ интересуется национальностью. Телевидение и радио, что говорят нам о равноправии в стране – это одно, а вот практика показывает совсем другое. Ничего не скажешь – живём в Советском Союзе.

– Разрешите идти? – спросил я, немного успокоившись, что вызов в КГБ был не таким, как представлялся, что интуиция меня сегодня подвела, – и вышел из кабинета.

Приятное ощущение я почувствовал, когда снова стал спускаться вниз по лестнице, – представилось, что я уже принят в штат сотрудников и работаю в этом заведении. Вышел на улицу и взглянул на солнце, ещё раз увидев его – на голубом небе, а не через решётку в окне стоящего за спиной здания. Да, сегодня мне повезло, – побывал в КГБ по поводу трудоустройства, а не в том качестве, в каком там бывали обычно.

– Я встал в военкомате на воинский учёт, но военком меня направил в КГБ, где предложили работать в отделе кадров. Что думаешь? – сразу с порога сказал я отцу, не зная, обрадуется ли он моим словам или огорчится.

Отец внимательно посмотрел на меня – наверно, подумал, что я выпил и несу не своё не наше, – достал из кармана портсигар, вынул сигарету, сел на стул и закурил, не ответив мне.

– Что ты на это скажешь? – спросил я снова, желая скорей услышать ответ.

– А что ты сам думаешь об их предложении? – вопросом на вопрос ответил он.

– Сам хочу услышать твой ответ.

– Во-первых – это серьёзное заведение, ты же знаешь, мне немного пришлось в нём послужить. Мне, как сейчас вот тебе, предлагали остаться и продолжить в нём службу.

– Так чего не остался?

– Знаешь... издеваться над людьми, хоть и немецкими военнопленными, мне как-то было не комфортно. Не моё это, понимаешь? Да и пленные с нами обходились не лучше. Сколько было случаев – пойдёт наш солдат в увольнительную, а найдём мы его – висит на дереве, живот распорот, ещё и набит яблоками, – зрелище не из приятных... Приходилось задерживать подряд всех граждан без разбора, на тот момент – якобы не мирных жителей Германии, и их пытать. Потом освобождать, не извиняясь... А были такие у нас сотрудники, что могли и забить насмерть. Сможешь ли ты этим заниматься – не знаю.

– Так сейчас не 53-й год и не 37-й – всё поменялось. Не думаю, что придётся кого-то допрашивать и пытать... У меня работа будет связана с документами и аппаратурой.

– Я своё мнение высказал. Ты спросил меня – я ответил. Ты уже взрослый. Решай сам.

– Какой я взрослый? У меня жизненного опыта нет, а если и есть – то небольшой. А выбрать профессию на дальнейшую жизнь трудно – боюсь ошибиться. Хотя мне ещё в армии работа с секретными документами не сильно нравилась – чего доброго, попадёшь за решётку.

Служивец рядом – и тот мог в любой момент подставить. Возьмёт без разрешения секретный документ, уничтожит или по ошибке сожжёт, – поди заметь да ещё потом докажи, что не нарочно документ без надлежащего присмотра оставил. Моменты такие были, и не один раз, мы же всё-таки люди – можем ошибаться.

– Видишь, сам уже сомневаешься – хочешь ли иметь такую профессию, – ответил отец.

– Ничего, у меня ещё есть время подумать. Всё-таки я хотел бы вернуться на завод – там коллектив хороший, люди простые – работяги. Весной поступлю в институт, тем более есть льгота — служба в армии, – да и профессия инженера мне по душе.

– Ну что, подумал, Александр Фёдорович, над моим предложением? – сказал подполковник Бабич.

– Так точно, подумал. Я вам сразу не сказал – у меня родители живут в деревне, мама болеет, да и отец неважно себя чувствует – требуется постоянная помощь. Хозяйство большое, сами понимаете, – покос, заготовка дров, огород – нужна физическая сила. Я никак не планировал очное обучение в институте, да ещё в другом городе. Так вот, я решил – пусть у меня не сложится карьера, но здоровье родителей дороже. Работая у вас, я не смогу полностью выкладываться, как нужно военному человеку. Тем более ночные дежурства, учения ещё никто не отменял...

– Хороший ответ. Родители – это святое. Жаль. Если передумаете – мы вас ждём... Подождите минуту, с вами хотят ещё побеседовать наши коллеги.

Подполковник позвонил кому-то по телефону и вышел из кабинета. Через некоторое время он вернулся, но уже с военным – в звании подполковника, только цвет формы мне никакой род войск не напоминал.

– Познакомьтесь: подполковник внутренней службы Управления внутренних дел, заместитель начальника кадров Подкорытов Иван Сергеевич.

– Здравия желаю! – ответил я.

– Мы здесь с Иваном Сергеевичем посоветовались насчёт дальнейшей вашей профессии и решили предложить служить в уголовном розыске. Как вы на это смотрите?

При словах «уголовный розыск» мне вспомнился фильм «Петровка, 38» с Юматовым и Лановым в главных ролях.

– Не знаю, что мне и делать, – вы меня застали врасплох с таким предложением... Дать положительный или отрицательный ответ я сходу не могу, – ответил я им.

– А что тут думать? Вы сейчас идите вместе с Иваном Сергеевичем, он вас познакомит с будущей вашей профессией. Тем более, идти недалеко – оно в соседнем здании, только вход с другой стороны улицы.

Выходить на улицу не пришлось – имелась потайная дверь с кодовым замком, которая соединяла два этих здания. Иван Сергеевич набрал цифры, и мы вошли точно в такое же здание с такими же архитектурными постройками. Идя по коридору, Иван Сергеевич мне рассказал, что служба в уголовном розыске почётна, а её сотрудники считаются элитой в милиции. Желающих служить в уголовном розыске очень много, поэтому отбирают самых лучших, но сначала мне нужно на эту профессию выучиться.

Есть в структуре милиции учебные заведения с очным и заочным обучением. Мне, сказал мой провожатый, подойдёт заочное обучение: от подполковника Бабича он уже знал о моей ситуации с положением родителей.

Мы зашли в один из кабинетов, где за столом сидели двое молодых ребят в гражданском.

– Познакомьтесь, Александр Фёдорович, с будущими коллегами, – сказал Иван Сергеевич.

Мы обменялись приветствиями.

– Мужики! Вот Александр Фёдорович сомневается: идти ему работать в уголовный розыск или нет, и связать ли свою жизнь с этой профессией? Скажите ему правду.

– И раздумывать нечего – пусть идёт! – ответил один из парней. – Ловить преступников – работа настоящая, мужская. Форму мы не носим, знакомые наши даже не знают, где мы служим. Интересная и нужная профессия. Особенно приятно, когда раскроешь серьёзное преступление – положительных эмоций масса, людям помогаешь... Про Шерлока Холмса читал?

– Ясное дело. Только книги – это одно, а у вас тут всё наяву, и преступники настоящие, не автором выдуманы.

– Спортом занимался? – продолжил со мной разговор парень.

– Боксом. Ещё на гражданке. Ходил в секцию, и в армии не бросал. Первый взрослый разряд. А ещё каратэ увлекаюсь.

– Тем более к нам. Не в БХСС же тебе идти – на счётах считать и со складов колбасу тырить!

– А что, у вас сотрудники БХСС колбасу воруют? – осведомился я.

– Да это я так, для красного словца сказал... Всякие сотрудники там есть – хорошие и плохие, как и везде. Но профессия сотрудника уголовного розыска многому обязывает. И друзьям не стыдно про неё сказать, и девчонкам мы нравимся...

При слове «девчонки» я подумал – а что, можно и попробовать послужить в уголовном розыске, и ответил:

– Согласен.

– Вот и отлично! Пойдёмте ко мне в кабинет и всё обсудим, – сказал Иван Сергеевич.

Придя в кабинет, он достал бланки для принятия на службу и попросил меня их заполнить – написать автобиографию, образование, данные родственников, близких знакомых; где буду первое время проживать и совпадает ли мой адрес с пропиской. Заполнив бланки, я получил от него направление на прохождение медицинской комиссии.

– Думаю, у вас, Александр Фёдорович, со здоровьем проблем не будет. Недавно из армии, так что быстро медкомиссию пройдёте. Проходят её в нашей милицейской поликлинике – адрес на направлении есть. Ещё не забудьте встать на комсомольский учёт. Райком ВЛКСМ – на соседней улице, обед у них уже закончился – можете прямо сейчас туда пройти, это обязательно нужно сделать. Секретарь ВЛКСМ – Белых Олег, отличный парень – спортсмен, уважает молодых ребят, которые хотят связать свою жизнь с милицией. Уверен, он вам понравится.

– А дальше что нужно будет делать? – спросил я его.

– Дальше начнётся служба. Первые три месяца будете учиться азам милицейской службы. Сначала пройдёте первоначальные курсы при школе УВД, а после учёбы, до поступления в специальную школу милиции по линии уголовного розыска – послужите в дежурной части УВД помощником дежурного. Должность ответственная, на первых порах будет вам полезна. Узнаёте всю структуру милиции, её руко-водство. В дежурную часть стекается вся информация обо всех происшествиях и преступлениях, что совершаются на всей территории области.

– Хорошо, постараюсь всё быстро пройти. Разрешите идти?

– Да, идите.

Войдя в здание райкома ВЛКСМ и найдя кабинет с табличкой «Белых Олег Алексеевич», я на минуту остановился, вспомнив слова старшины роты: «Прежде чем войти в каптёрку, подумай, как будет лучше без проблем из неё выйти, а то можешь получить два наряда вне очереди», – не вовремя зашёл. Постучал, открыл дверь и увидел молодого парня, сидящего на стуле с гитарой в руках.

– Разрешите? – сказал я.

– Пожалуйста, заходите. Сразу видно по выправке – человек военный, – отозвался он.

– Да, вы не ошиблись: недавно демобилизовался. Я пришёл встать на комсомольский учёт, так как буду проживать на вашей территории, а дальнейшую службу продолжу в уголовном розыске.

– Замечательно! На гитаре играть умеешь? – спросил секретарь.

– До службы играл в ансамбле – так, для души.

– Замечательно! – повторил он. – А я вот сижу и репетирую перед выступлением: скоро будет фестиваль бардовской песни, неудобно будет ударить в грязь лицом.

– Репетиция не помешает!

– Может, что-нибудь новое покажете, а я выучу и со стройотрядовцами спою? – Он предложил мне гитару.

– У меня есть несколько песен – немного пописываю их, можно сказать – хобби. Я вам одну из них попробую исполнить. – Я взял гитару и спел одну из них.

– Аккорды я запомнил, потом стихи занесёте, как будет время. Песня достойная, тем более, что её ещё в наших бардовских кругах никто не знает. Сейчас пройдите в соседний кабинет – вас там поставят на комсомольский учёт. Рад с вами познакомиться. Думаю, видеться будем частенько: город у нас небольшой, тем более, я бываю в УВД по комсомольским делам, – сказал Олег, крепко пожал мне руку и я вышел из кабинета.

«Хороший парень!» – подумал я. – «Немного постарше меня лет на шесть, не больше, главное – открытый и работа ему „комсомольская“, видно, по душе. Нужно не забыть стихи занести, неудобно получится – пообещал, а не исполнил».

Глава 3

– Алло! Помощник дежурного УВД Семёнов слушает! – ответил я на очередной звонок.
– Александр, это я – Подкорытов Иван Сергеевич. Поднимись ко мне в кабинет, переговорить нужно.

– Разрешите? Здравия желаю! – сказал я, войдя в кабинет заместителя начальника кадров.

– Входи, Александр, для тебя есть хорошая новость. Офицерская должность освободилась в Октябрьском уголовном розыске – один из сотрудников переезжает в другой город. Я переговорил с начальником УР, так что, если ты не передумал быть сыщиком, то, как я и обещал, есть возможность попробовать себя в роли Шерлока Холмса. Ты уже окончил школу милиции, офицерское звание имеешь, так что нечего тебе в дежурке штаны протирать. Работа дежурного – для тех, кому до пенсии осталось служить год-полтора, сдавай все дела – и вперёд, на передовую!

– Спасибо вам. Я сейчас же позвоню начальнику УР – с ним мы уже давно знакомы. Он знает, что мне хотелось работать в уголовном розыске и в его подразделении.

– Тем более – все пути ведут в этот отдел. Удачи тебе! Нас не забывай!

Я вышел из кабинета кадровика, огляделся – никого в коридоре не было, – и от радости подпрыгнул: мечта сбылась! Я скоро стану оперуполномоченным уголовного розыска. Форму милицейскую, как в дежурке, носить не нужно; буду иметь пистолет на постоянной носке, и сдавать его в оружейку не придётся. Представил, как раскрою все преступления, которые считаются у оперов «глухарями», – ведь я буду применять к их раскрытию дедуктивный метод Шерлока Холмса! Эту книгу я прочитал не один раз, и знаю наизусть всё, что нужно настоящему сыщику, – так думал я.

Глава 4

– Коллеги, я хочу вам представить нового сотрудника – Семёнова Александра Фёдоровича. Он окончил специальную школу милиции, не женат, занимается спортом – ходит вместе со мной в секцию каратэ. Я с ним знаком давно, так что прошу любить и жаловать. Он будет обслуживать центральную зону – участок, сами знаете, один из самых криминогенных у нас в городе. Заменит на нём Геленидзе, который уезжает к себе на Родину – в Сочи, – представил меня на утренней планёрке начальник отдела уголовного розыска Морозкин Владимир Васильевич.

– А водку он пить умеет? – спросил один из сидящих рядом со мной сотрудников, и все вокруг опера засмеялись.

– Пичугов, я думаю, водку пить, как все мы, он умеет, но не так, как её пьёт Геленидзе. Встань, Арсен, и прочти вслух вот это заявление, которое мне на тебя поступило от гражданина. Он получил телесные повреждения – графином по голове, и главное – у нас в отделе, – Морозкин протянул провинившемуся листок.

– Может, не надо, Василич? – сказал молодой человек кавказской внешности.

– Надо, Федя, надо! Читай, читай, пусть коллеги узнают правду, и им наука будет впредь, – сказал начальник, процитировав Шурика из «Операции „БГ“».

Юмор в коллективе на планёрках явно присутствует – видимо, такая внутренняя психологическая обстановка им помогает в общении; мне она по душе. Нужно поближе со всеми познакомиться и изучить каждого. Всякие люди бывают на свете, тем более, опера – ребята неглупые, многое в жизни повидали. В таком коллективе ухо нужно держать остро.

– Начальнику Октябрьского ОВД Останину, – начал медленно читать Арсен, затягивая основную – явно в его пользу – часть заявления.

– Читай сразу текст заявления, что шапку читаешь? Я тебе и так скажу – копию его потерявший отправил прокурору, так что готовь чемоданы и суши сухари, – поторопил его с чтением Морозкин.

– «Заявление. 3 июня 1984 года я был ограблен неизвестным гражданином по ул. К Маркса, 76. Украли барсетку. В ней находились: паспорт, ключи от дома, пропуск на завод и пять рублей денег. Я сразу обратился в дежурную часть, позвонив по телефону-автомату и описал дежурному приметы преступника. В дежурке меня направили в кабинет 4 к оперуполномоченному УР Филиппову для дачи объяснения. При беседе с ним к нему зашёл молодой человек кавказской национальности. Он подошёл к столу, взял стоящий на нём графин с водой; при этом не спрашивая даже разрешения и не говоря ни слова, и ударил им по моей голове. Я потерял сознание. Когда очнулся, молодого человека в кабинете уже не было. Вокруг меня стояли неизвестные ранее мне лица – потом я узнал, что это сотрудники уголовного розыска, один из которых мне сказал, что у них произошло ЧП – ворвался в отдел неизвестный гражданин, якобы сбежавший из психиатрической больницы, и его долго ищут врачи, как и вся милиция города, вот он и ударил меня графином. Пока мне Филиппов оказывал медицинскую помощь, преступник от него сбежал. Я обратился в травмпункт, где мне поставили диагноз – сотрясение головного мозга. Прошу вас найти и привлечь к уголовной ответственности гражданина, который мне причинил телесные повреждения».

Все опера закатились от смеха.

– Ладно, Арсен, хватит читать. Мужики, ничего тут смешного нет, нужно сейчас подумать, что дальше делать? Отписываться придётся перед прокуратурой всем тем, кто причастен к этому «анекдоту», в том числе и мне, как руководителю. Если узнают про этот случай, смеяться над нами будут все вокруг – от постового милиционера до участкового. А сейчас, Арсен, расскажи товарищам, как было на самом деле? Не стесняйся, тут все свои, только без вранья.

Я сидел и слушал, не понимая, почему все смеются над заявлением, – ничего смешного в нём нет. Гражданину преступник проломил голову, да ещё в кабинете опера, – а они не смогли его даже задержать... Что за такие сотрудники милиции, как он мог всех их обмануть? Вот попал так попал в коллектив служить... Где ещё, скажите, из кабинета опера преступник может запросто сбежать, и никто его даже не задержит?

– Что рассказывать? Вы же знаете, вчера было моё последнее дежурство, – стал объяснять Арсен. – С понедельника иду в отпуск и уезжаю на родину, – последние мои деньки, скажем так, в родном отделе. После дежурства зашёл в «Канцтовары», купил авторучку и вернулся обратно – кое-какие есть недоделанные дела, с канцелярией долги остались, все чернила исписал. В коридоре встретил Перлина – он объяснил, что вчерашнего грабителя задержали, его допрашивает Филиппов. Вот я и зашёл к нему на огонёк. Дай, думаю, напоследок помогу ему раскрыть преступление. Я же не знал, что Филиппов допрашивает свидетеля, а подозреваемый находится у Гусинского. Мне же Перлин сказал, что подозреваемый у Филиппова, – я был уверен на сто процентов, что это жулик. В кабинете Филиппова я почувствовал себя плохо. Решил попить воды, закружилась голова – видимо, на дежурстве устал, выездов на происшествия было много; можете в дежурке проверить мои слова – вам подтвердят, – и из рук непроизвольно выронил графин. Который, падая, *вскользь* коснулся головы потерпевшего! Какие-то потерпевшие пошли слабенькие... Когда он очнулся – я извинился, мы с ним разошлись по дружески. А что заявление написал на меня... Так, видимо, ему знакомый адвокат посоветовал – хотят денег с меня срубить, – объяснил Арсен.

– Ты что, не понял всей серьёзности ситуации? – сказал Морозкин. – Не успеешь доехать до Сочи, тебе прокуратура лапты склеит. Иди к потерпевшему на поклон и договаривайся на мировую, пока этому делу хода не дали. Копия заявления для прокуратуры пока у меня. День тебе срока, чтобы все разногласия с ним уладил. Канцелярские товары ещё приплёл к своему оправданию – ну и врать ты горазд! Все опера видели, что ты пил пиво в баре как раз напротив отдела. Говоришь, чернила у тебя кончились? Ну-ну! Врать бы лучше научился – хотя бы так, как это делает наш местный Остап Бендер – твой коллега Гусинский. Понял?

– Так точно, понял, – ответил Арсен.

– Ну, а у вас почему такая произошла неразбериха? Филиппов, тебе же дежурный поручил взять объяснение у жулика? Почему вместо него у тебя в кабинете оказался потерпевший? – грозно спросил у другого подчинённого начальник.

– Василич, я с жуликом ранее знаком – сами понимаете, он немного мне «помогает», – сказал один из оперов (я так понял, тот самый «Остап Бендер»), – поэтому попросил Филиппова поменяться с потерпевшим.

– Ладно, давайте эту тему закроем. Прокурор звонил – обещался в понедельник к нам в гости заглянуть. По отказным материалам с нами хочет побеседовать, так что их подшаманьте, как следует – особенно у кого сроки по ним заканчиваются. Тебя это непосредственно касается! – Морозкин внимательно посмотрел на Гусинского. – Он лично с тобой будет беседовать за твоё «творчество». Всё! Планёрка закончена – все по коням. Семёнов и Бондаренко, оставайтесь.

... – Александр, познакомьтесь, – представил меня начальник. – Это Бондаренко Владимир Иванович, твой наставник. Тебе на первое время понадобится опытный сотрудник, а то, не ровен час, опера научат чему не следует... Как вон Геленидзе: взял и пробил графином голову потерпевшему, перепутав с подозреваемым. Иваныч, пусть Александр на первое время поедет с дежурным опером на преступления – посмотрит, что да как, главное – с бумажной волокитой разберется. Да, чуть не забыл: пистолет пусть в дежурке ему выдадут, и ключи от сейфа у Геленидзе заберёт. И пока не освоится – пусть посидит с тобой в кабинете.

– Хорошо, Василич. Я сначала Александра познакомлю с лицами, состоящими под надзором. У него на участке числятся восемнадцать человек, и все блатные. Один из них – «смотрящий». Заодно и проверим, как они соблюдают режим проживания. Может, посчастливится, так пару протоколов составим. Вообще, суки, распустились – дома не ночуют...

– Ты, Александр, пока присматривайся ко всему, что вокруг происходит, – разъяснял наставник. – Сходи в дежурку, в камеры загляни – их у нас две, одна общая, другая, что поменьше – для оперразработок, в основном опера́ ей пользуются. У тебя пока нет негласных помощников, но скоро они тебе понадобятся, вот там их можешь найти. Все опера́ начинают свою работу с утренней проверкой камер для задержанных. Иногда туда попадают наши «помощники» – лишний раз им поможешь не платить штраф, а они тебе пару интересной информации расскажут. Так что с утра надо будет пораньше приходиться на работу и знакомиться с протоколами на граждан, которые по разным причинам находятся в них. Некоторые так по глупости попадают – в основном по пьянке, такой наш оперской контингент. Бывают среди них лица, которые нам интересны для дальнейшего использования в работе. Ты их можешь без разрешения дежурного забрать к себе в кабинет и побеседовать – может, кто-нибудь из них пойдёт с тобой на контакт, захочет тебе помогать, так нужно провести с ним разведопрос. Знаешь, что это такое?

– Да, в школе милиции изучали, сдавали по нему экзамен, – ответил я ему.

– Научись пользоваться разведопросом – проблем у тебя ни в работе, ни в жизни не будет. Это основное, что должен знать настоящий опер. Он тебе поможет как при беседе с нормальными гражданами, так и с жуликами. Не козыряй ни перед кем оперскими корочками: хвастовство у нас не приветствуется, как и карьеризм. Будь со всеми на равных. Опер – он как святой Серафим Саровский: к нему все люди идут за помощью, от простого рабочего до судьи. У них раз в жизни что-нибудь да украдут из квартиры или дачи. Вора́м по барабану, у кого воровать. Вот поедешь с дежурным опером —насмотришься всего: от кражи детской коляски до убийств.

– А когда я поеду?

– Да завтра и поезжай. Чем быстрее войдёшь в русло, тем легче будет в дальнейшем. Сегодня пару подназорников с тобой проверим, но это будет вечером. Сам знаешь, им нельзя отлучаться с 8 часов вечера до 6 утра – а то умудряются нас обманывать. Их проверяешь – они даже вида не подадут, что собираются нарушить режим, но после твоего ухода – шмыг на улицу и пару норковых шапок с граждан снимут... Работа у них такая – воровать, а наша – ловить.

В кабинет, где меня на первое время определили, заходили опера́ и знакомились со мной. Мне показалось, что они все готовы помочь на первых порах. Это меня успокоило – есть к кому обратиться, если что будет непонятно.

Вечером, как и обещал Владимир Иванович, мы пошли проверять подназорников.

– Александр, когда я буду тебя знакомить с ними, держись увереннее – не показывай вида, что ты ещё якобы «зелёный» опер, дух свой покажи. А то смекнут, что опера «слабенького» назначили на их участок. Молва у блатных быстро расходуется, тебе такая слава ни к чему.

– А как свой дух показать?

– По обстоятельствам сориентируешься. Сейчас проверим «смотрящего» – знаешь, чем он отличается от «положенца»?

– В школе милиции нам об этом рассказывали. «Положенца» – назначают «воры в законе», а «смотрящего» блатные сами между собой выбирают – старшего и самого достойного по их воровским понятиям.

– Так вот. Нашего смотрящего зовут Володя Желтов, ему 27 лет, кличка у него «Хвост», сам небольшого роста, но хитрый не по годам. Жулики его выбрали, как и положено по их

законам, – на воровской сходке. У него хранится и воровской общак – касса, – только никто её не видел, доступ к ней ограничен. Претендентов на эту должность было предостаточно, так, что ухо держи с ним востро. И ещё внимательно смотри и запоминай – может, в квартире находится посторонний, нам важно знать его круг общения. На следствии все жулики начинают врать, когда мы их начинаем к стенке прижимать: мол, этого человека первый раз видят и никогда не признаются, что знакомы с ним. Хоть покажи им фото, где в обнимку стоят, хоть наяву предъяви – всё равно в отказ идут, скажут – фотомонтаж. Жулики такого ранга на контакт с операми редко идут.

Мы позвонили в дверь – не прошло и каких-то двух секунд, как она открылась. На пороге стоял улыбающийся молодой парень в модном спортивном костюме «Адидас», с золотой коронкой на верхней челюсти. Точно радуясь нашему приходу, он раздвинул руки в стороны:

– Ка-а-кие люди – и без охраны!.. А я смотрю в окно и любуюсь закатом – уж больно красив. Подумал – хоть бы ко мне в гости оперá зашли, скучно вечера одному коротать... Во двор посмотрел, вижу – Владимир Иванович идёт, и с ним незнакомый мне человек. Дай, думаю, встречу их, всё-таки не чужие люди!

– Как дела, Володя? На работу не устроился? А то, сам знаешь, нас за вас строго спрашивают, должны работать все. Кто не работает, тот не ест! – сразу с порога спросил наставник. (Я понял, что это и есть «смотрящий».)

– Нет, не устроился. Пока не могу найти работу по профессии.

– А что у тебя за профессия? Напомни мне, – что-то я запомнил. Небось ищешь, где набирают на курсы по изъятию кошельков из кармана? Так я знаю, где это – ИТК—1, могу походатайствовать, – сказал Владимир Иванович и они оба засмеялись.

– Был я уже там – неважно учат. Скоро устроюсь. Друзья пообещали непыльную работу на спасательной станции, – уже серьёзно сказал Желтов.

– Вот и хорошо. Как устроишься, справку с отдела кадров принесёшь. Познакомься – это твой куратор, Семёнов Александр Фёдорович, прошу любить и жаловать, – сказал наставник.

– Любить – не в моём амплу, а вот жаловать – точнее, жаловаться – наверно, на него придётся. Вижу по его глазам – не понравился я ему, даже мысли его прочёл – он хочет меня быстрее упрятать в тюрьму... Или я ошибаюсь? – сказал Желтов, состроив устрашающую гримасу.

Я заулыбался. Выдержал минутную паузу, как бы давая ему понять, что мне его угрозы безразличны – не подавая вида, как нас учили в школе милиции.

– Я буду действовать, как написано в уголовном кодексе: нарушил его – получай своё. Это будет справедливо и по совести. Главное, «воры в законе» тоже придерживаются этих правил. Судьба оперов – ловить жулика, а у жулика – убегать, но делать всё нужно по закону.

Желтов выслушал мои суждения и поднял вверх руки, показав тем самым, что он испугался – якобы сдаётся перед моими словами.

– Вот стою и думаю – то ли поменять место жительства? Если вот такой правильный опер меня будет опекать, я долго в этой квартире не проживу, ждут меня «края далёкие», – ответил Желтов.

– Все под Богом ходим, – ответил я.

– Владимир Иванович, я «всё осознал и хочу покаяться». Жил я раньше неправильно, хочу начать с этого момента новую жизнь. Есть у меня «мечта» – сотрудничать с вами. Не хочу больше на зону: если такие «крутые» опера пришли вам на смену – у порядочных воров жизни дальнейшей не будет. Хочу вам сразу одну преступную банду сдать. В этой банде все – головорезы, они вычисляют в городе молодых оперов и на них нападают. Бьют ножами, даже пистолеты отбирают, – продолжил Желтов своё устрашение в мой адрес, нарочно вынуждая меня сорваться и наговорить лишнее.

– А-а, знаю одного из этой банды. Паренёк из Свердловска, бывший опер, уволили его недавно. Правда, уволили ни за что – «смотрящему» по их городу голову молотком пробил. Конечно, заявление он не написал, сам знаешь – не по понятиям это в воровских кругах, а вот соседи оказались тому свидетелями и сообщили в милицию. Руководство подстраховалось – взяли и уволили его из органов, так он банду создал – «Белая стрела, железный молоток». Я с ним вместе в школе милиции учился. Так вот, он мне недавно звонил – говорит, если будут какие проблемы с жуликами, то мне поможет – одним «смотрящим» на свете больше, одним меньше, тем более если можно будет пожить в его хате. Если повезёт и общак воровской найдёт – деньги лишними не бывают, хоть и криминальные. Вот он в этой банде главный, – ответил ему я, подражая манере общения Желтова, на его же блатном языке.

– Придётся мне, заходя в подъезд, на голову каску надевать? – продолжил разговор «смотрящий».

– Не поможет. Можешь моим словам не поверить, но участились случаи, когда сам Господь Бог вставал на сторону оперов. Ты же верующий? Вижу, у тебя и крестик на шее висит. Он, как и мой дружок, – бьёт молотком людей по голове – но тех, кто не хочет жить по людским законам. Бог – он справедлив! Главное, свидетелей не удастся найти – Бог же невидим.

Желтов смотрел на меня, и по его глазам было видно – я ему не понравился. Видимо, впредь мне нужно быть с ним осторожнее.

– Поживём – увидим, куда нас жизнь заведёт, но всё равно я «рад» познакомиться с вами. Мама, выйди, пожалуйста, к нам – «дорогие» гости к нам пожаловали.

Из комнаты вышла женщина и поздоровалась с нами.

– Володя у меня сейчас не хулиганит, это улица его в детстве испортила. Сейчас он изменился – с девушкой познакомился. У них серьёзные отношения, думаю, скоро поженятся. Вот устроится на работу и будет жить нормальной жизнью, как все люди... Он у меня хороший. Я вот всю жизнь проработала на заводе, скоро на пенсию, сын мне сказал, что он с прошлой жизнью покончил. Я ему верю, поверьте – мой сын не такой, каким вы его знаете по прошлой жизни. Он и в магазин ходит за хлебом, и по хозяйству поможет, – пояснила нам мать.

Я слушал женщину и практически поверил её словам. Но взглянув на лицо Желтова, понимал – в его глазах только ложь, у них с матерью тандем, и эта сцена – встреча с сотрудниками милиции – отрепетирована уже сто раз (тем более, что участковый инспектор у них частый гость). Всё же верить никому нельзя – особенно в оперской работе. Наверно, со временем даже в себе буду сомневаться. Да, в этой работе ухо точно нужно держать остро – расслабишься – согнут в бараний рог, как щенка, и «будь здоров, Иван Петров».

– Маргарита Ивановна, – сказал Владимир Иванович, – мы не сомневаемся, что Володя изменился. Но и вы нас поймите, работа у нас такая: мы обязаны проверять вашего сына до тех пор, пока с него не снимут надзор. Ему быть под надзором, по-моему, около года осталось? Потерпите уж наше присутствие.

Попрощавшись, мы вышли в подъезд, спускаясь с лестницы, наставник поднёс указательный палец ко рту и сделал им знак, что говорить пока нельзя. Вышли во двор, пересекли его, свернув на улицу, не проронив ни слова. Я не понимал, в чём суть молчания.

– Запомни и возьми за правило: прежде чем зайти в любой подъезд – будь осторожен, жулики могут тебя поджидать и на нож поставить. Открой дверь, немного задержись – пусть глаза привыкнут. Если темно в нём, поднимайся по лестнице и внимательно смотри вверх. Бывает, молодёжь стоит на площадке, ищет повода подраться, а ты никого из них не знаешь. Могут тебя не пропустить, к чему-нибудь да придерутся – слово за слово, завяжется драка, и не всегда выйдешь из неё победителем. Лучше не рисковать – вернуться обратно. Ходить по подъездам и по квартирам – это каждодневная наша работа. Да, и в автобусе когда будешь ехать, тоже возьми за правило – ищи место, где встать. Лучше в углу салона, чтобы ты всех видел – оно для нас, оперов, самое безопасное. Возможно, в автобусе едут карманные воры –

повезёт, поймаешь «на кармане», но задержать их с поличным – трудно. Врагов среди жуликов у тебя с каждым днём будет всё больше и больше – есть среди них и неадекватные, могут и «на нож поставить», как я тебе говорил. Ты слышал, как с тобой «смотрящий» разговаривал? Как подбирали слова, как на провокацию вынуждал? Это ещё цветочки, он более адекватный жулик, не то что его друзья – отморозки.

Я слушал и поймал себя на мысли, что разговорная речь у опера отличается от повседневной, что в обиходе у гражданских людей, наверно, и я со временем буду разговаривать таким сленгом. Не хотелось бы, но нужно научиться контролировать свой лексикон. На работе – один стиль общения, с домашними – другой. Как это делают актёры в театре. Нужно только представить, что рабочий день в уголовном розыске – это сцена, и все персонажи на ней – актёры.

– Недавно нашему оперу в квартиру забросили самодельную гранату, – продолжал Владимир Иванович, – перед этим связав верёвкой дверные ручки на площадке. Он и его семья – жена и маленький ребёнок – находились дома. Живут на третьем этаже, от взрыва произошёл пожар. Слава Богу, что есть у него в квартире балкон – там и спаслись, пока пожарные не приехали и не потушили вовремя огонь, а то бы сгорели. Это я тебе не для устрашения говорю, а так – для того, чтобы не расслаблялся.

Уже и не знаю, правильно я поступил, что напросился работать в уголовном розыске... Лучше сидел бы в дежурке – и никаких тебе преступников. Или в КГБ остался – там работа непыльная и преступники не такие ушлые. Промелькнула такая мысль на слова наставника.

– О чём думаешь, Александр? – спросил меня Владимир Иванович.

– А следующий поднадзорник кто – преступный авторитет?

– Да нет, можно сказать, жулик-неудачник – по глупости попал в тюрьму. Кстати, под «вышаком» был, но заменили на пятнадцать лет. Свою любовницу ножом «замочил», но она осталась жива, инвалидом сделал – ноги у неё отнялись. Молодой ещё был, любил и ревновал её, вот и натворил дел. Сейчас сожительствует с одной женщиной, имеет квартиру. Он ведь из интеллигенции, так что с ним у тебя проблем не будет – нормальный человек. Мэр у него дружок – другой круг общения, не воровской. Так что намотай себе на ус: жулики бывают разные – есть идейные, как «Хвост», а есть вот такие, как он. Можно было бы и не ходить к нему – он не нарушает режима, но обязывает закон – прокурор может проверить.

Как говорил наставник, так и оказалось. Нас встретил мужчина интеллигентного вида, пригласил на чай – мы отказались. С Владимиром Ивановичем мы расстались на остановке, рабочий день наш закончился. Он поехал домой, а я пошёл по улице, вспоминая и анализируя свой первый день работы в уголовном розыске. Он прошёл с пользой, а похвастаться мне перед друзьями нечем. Завтра предстоит выезд на настоящее место преступления – какое оно будет, неизвестно. Но в том, что оно *будет*, я уверен, и мне, возможно, повезёт раскрыть первое преступление и изобличить преступника.

Глава 5

Утро у меня началось с посещения дежурной части и просмотра протоколов на граждан, нарушивших общественный порядок. Мне показалось, что ничего интересного (а именно – людей, которые меня бы заинтересовали) я среди них не увидел. Половина из них – «кухонные бойцы» (граждане, ведущие антиобщественный образ жизни, семейные драчуны), остальные – алкоголики, распивавшие спиртные напитки в подъездах да на детских площадках, что категорически запрещено законом. Постовые милиционеры за такие нарушения доставляют в дежурку, где виновники, просидев в камерах до утра, ждут своего наказания. В основном им выписывают штраф и отпускают на все четыре стороны. Они никого из оперативных сотрудников не интересуют – если среди этих лиц нет их «помощников». Вечером всё повторится, и эти задержанные граждане опять окажутся в дежурке – такой у них образ жизни, он для них – норма.

Как и обещал мне Владимир Иванович, я был включён в опергруппу, где мне предстояло целые сутки выезжать на все преступления, которые будут за этот период. Ждать не пришлось – дежурный сказал, что утром уже поступило одно заявление о краже двух аккумуляторов с машин в автоколонне 1229 по улице Томской, и нам нужно срочно выехать на место преступления. Дождавшись кинолога и эксперта, выехали на автомашине УАЗ—469. На вид этому экземпляру отечественного автомобилестроения было лет 30, и он, наверно, был старше меня лет на 10. Уместились в нём всей опергруппой, но мне пришлось держать ручку у двери рукой – она постоянно открывалась при наезде на очередную яму. Ручка была неисправна, как и кузов, который скрипел, заглушая работу двигателя. Всем сидящим это было по барабану и их он не беспокоил – кроме меня. Все сотрудники милиции за годы работы в отделе уже привыкли к такому транспорту. Они и этому экземпляру были рады, – всё лучше, чем выезжать на место преступления на своих двоих или на маршрутном автобусе, что тоже часто бывало.

До места преступления не доехали: по радию от дежурного поступил вызов, что мы должны вернуться и сначала заехать во двор дома на ул. Савельева. Там нас ожидает «скорая помощь» и гражданин, обнаруживший труп новорождённого ребёнка в ящике для отходов.

«Вот это и есть настоящее преступление, о котором я мечтал, где можно будет на деле испытать всё, чему учили в школе милиции!» – подумал я.

Трупы я уже видел, когда учился в школе милиции – нас как студентов водили на экскурсию в морг. Есть такой предмет – судебная медицина и психология. Для сдачи экзамена по данному предмету необходимо было обязательным условием посещение морга – чтобы посмотреть наяву, с чем придётся столкнуться будущим юристам. Оно шло плюсом при сдаче экзамена. Зрелище не из приятных. Патологоанатом, видя наши «весёлые» лица, комментирует свои действия шутками и прибаутками, а сам описывает внутренние органы, проговаривая слова, на наш взгляд, ну никак не подходящие медицинским критериям: «Студенты, посмотрите, какие красивые почки, – вот бы из них рагу сделать!.. А печень – одно загляденье, на рынке такую не найдёшь, пирожки из неё отменные!»... На этом месте нескольких будущих юристов вылетали из этого заведения быстрее пули, и мечта, которая у них была основной в жизни – стать настоящим юристом, – улетучивалась моментально. Смотреть кинофильмы и читать книги – это одно, а вот видеть это наяву и вдыхать запах данного заведения – совсем другое.

Врач «скорой помощи» на месте преступления нам объяснил, что ребёнок родился сегодня ночью – видимо, будущая мать отказалась от него, вот таким нечеловеческим способом умертвив, но причину смерти покажет судмедэкспертиза. Гражданин, обнаруживший труп ребёнка, ничего конкретного не пояснил. Утром, вынося мусор, увидел в ящике для отхо-

дов свёрток и торчащую из него детскую руку. Сначала подумал, что это выброшенная кукла, но потом увидел кровь и сразу сообщил в милицию.

Мой старший напарник на время дежурства, Костоусов Николай, сказал, что нам нужно сделать поквартирный обход близлежащего дома, напротив которого был обнаружен труп, и найти очевидцев. Возможно, роженица проживает и в каком-то из соседних домов, но нам обязательно нужно сделать обход именно в этом доме – для отчёта перед руководством. Главное для руководства и для прокурора – не раскрытие преступления, а соблюдение всех процессуально-следственных действий и заполнение всех положенных бумаг, нужных для уголовного дела. Ведь спрашивают не за то, что ты объяснишь устно, а за бумаги и что в них написано, – это есть «истина», что ты работал не зря на месте преступления, не «чесал языком» и не прохладился. «Бумажную волокиту надо делать в первую очередь», – так сказал Костоусов, – «а потом можно и найти роженицу, тем более, это не составит труда. Все беременные роженицы на учёте в женской консультации, есть среди них исключение – цыганки, у которых свои законы и образ жизни. Сегодня они в одном городе на денёк-два заехали погостить, а завтра они уже в другом. Вот с ними много возникает сложностей, даже с получением простого объяснения. А если задержать среди них преступника, то их нахождение имеет свои сложности и особенности».

Костоусов по рации сообщил дежурному, что факт подтвердился – это труп младенца, что все следственные действия выполнены, и мы снова продолжили свой путь. Кражи аккумуляторов, снятие лобового стекла и колёс с авто – рядовые происшествия, и на каждом дежурстве они находятся в десятке рейтинговых. На месте преступления мы провели чуть более часа, после чего вернулись в райотдел.

Дежурный сказал, чтобы мы быстро пообедали и снова выехали на место происшествия. С его слов, ещё один найденный труп – молодая женщина – лежит на полу в частном доме совсем голая, её обнаружил сосед, зашедший в гости.

Женщина лет двадцати лежала в комнате на полу. По всей квартире были видны следы крови. Видимо, труп лежал уже более суток – на теле имелись пятна, свидетельствующие, что он «несвежий» (по крайней мере, нас так учили в школе милиции). На изгибе её руки был разрез, а на полу – лужа за-сохшей крови. Видимо, смерть наступила от её потери, но точный диагноз смерти скажет, опять же, судмедэксперт. Также обнаружили осколки разбитого стекла от окна.

Со слов соседа, в этом доме проживает молодой парень-вдовец, у которого в доме происходят постоянные пьянки. Молодую женщину он знает – она проживает в посёлке, сказать про неё что-либо плохое или хорошее он не может, но видит её у соседа впервые.

Следователь стал описывать место преступления, а мы с Костоусовым пошли делать свою оперскую работу – искать свидетелей. Если повезёт, наткнёмся и на хозяина дома, видимо, причина его исчезновения – в этом происшествии.

Ничего существенного по делу мы не нашли, узнали только, что хозяин нигде не работает, друзей как таковых нет – одни собутыльники, все – жители этого посёлка. Вернулись обратно, дождались, когда труп увезут на судмедэкспертизу, к вечеру пообещали, что будет ясна причина её смерти. Приняли решение отъехать от дома – в надежде, что нам повезёт и встретим хозяина, – хотя шансы были малы. Дежурный нам сказал – пока в районе спокойно, можете отдохнуть и посидеть в засаде.

Оперская практика показывает, что преступник всегда возвращается на место преступления. Его тянет «неизведанная внутренняя сила». Суть в том, что преступник боится наказания, поэтому в своей голове «прокручивает» всё, что произошло с ним на месте преступления – возможно, оставил улики и их можно будет уничтожить до прибытия милиции или получить дополнительную информацию.

Так и получилось – мы увидели проходящих возле нашего УАЗика трёх молодых людей. Один из них по приметам был похож на разыскиваемого хозяина дома, и мы решили их задержать. Попросили остановиться и предъявить документ, удостоверяющий личность, но у них его с собой не оказалось. Предложили проехать с нами до отдела милиции – для выяснения личности. Они возразили, так как не видели в этом необходимости – мол, нарушений никаких не совершали и закон соблюдают. Фамилии, которые они нам назвали, не совпадали с той, что была нужна по розыску хозяина дома, но в их поведении было волнение. Мы решили не рисковать и всё-таки доставить их в отдел, посадив в авто. Отъехали несколько метров, и тут один из задержанных – тот, что походил по приметам на хозяина дома – попросил остановиться, так как ему срочно понадобилось сходить в туалет. Ему объяснили, что ехать до отдела всего пару минут, и свои «дела» он сможет сделать в тамошнем туалете. Но он настаивал, чтобы мы все-таки остановились и не позорили его как мужика, а то он может оправиться прямо в авто.

Его просьбе не поверили. По приезду в отдел всех задержанных разлучили по разным кабинетам. При беседе установили, что один из них – тот самый, что так просился в туалет – действительно хозяин дома. Остальные задержанные рассказали, что вечером купили в гастрономе водки и стали её распивать. К их компании присоединилась знакомая девушка из того же посёлка. Во время попойки к ней стал приставать с явно непристойными намерениями сначала один из «товарищей», затем и остальные. Она испугалась и возразила им отказом. Тогда они насильно раздели её догола. Девушка вырвалась из их «любовных» объятий, подбежала к окну и разбила стекло рукой. Затем взяла в руки осколок стекла и порезала себе руку, пытаясь тем самым остановить «донжуанов», но рана оказалась глубокой – была повреждена вена, и из неё стала вытекать кровь. Они безуспешно пытались ей помочь, остановить кровь, но были слишком пьяны и не знали толком, что следует делать. Испугавшись, они убежали из дома, не вызвав «скорую помощь». На следующий день, когда протрезвели, решили вернуться и посмотреть – может, девушка ещё жива и ей нужна помощь, но не дошли – были задержаны нами.

Были и ещё происшествия в первый день моего дежурства, но не столь интересные – кража детской коляски из подъезда; гражданин, которому неизвестные сломали челюсть на остановке института; женщина, ранившая ножом сожителя в пьяной семейной ссоре (он остался жив), да пара грабежей.

Костюсов сказал, что нам с дежурством повезло – мало происшествий. Бывает, доходит до двадцати, и отдохнуть можно только ночью – пару часов. И то ты сначала обязан написать следственно-оперативный план по каждому происшествию – для уголовного дела. Тогда уж свободен до утра. Так мы и сделали.

Неделя прошла в таком же режиме – уже по расследованию и раскрытию происшествий, которые были до моего прихода в уголовный розыск. В основном – допросы свидетелей, беседа с потерпевшими, а вечером, как и положено, – проверка поднадзорных и знакомства с участковыми инспекторами на своём участке. Участковые – это люди, которые знают всех и про всё. В основном у них помощники – бабушки, но есть и лица ранее судимые, которые им обязаны по гроб жизни. Участковые инспектора днюют и ночуют на своих опорных пунктах. Для нас, оперов, они – настоящие «палочки-выручалочки», Клондайки информации. Некоторые инспектора на своих участках проработали по несколько лет, и найти с ними контакт нас обязывает наша специфика. Люди они серьёзные и уважают свою профессию, поэтому работать вместе с ними по раскрытию преступлений – одно удовольствие. Жулики их боятся как огня, – ведь они могут им устроить такую «весёлую жизнь», что небо с овчинку покажется. А у меня на участке их человек 20, поэтому всех нужно знать не только в лицо, но и найти ключ к их душе. Мне сразу с двумя участковыми повезло – это Мамонтов Анатолий и Чебанин Николай, с которыми у меня завязалась дружба. Они пообещали мне предоставлять свои кабинеты на опорных пунктах – для встречи с лицами, интересующими меня в оперативном плане. Ведь

мы делаем одно дело – боремся с преступностью, а они на своих участках – цари и боги, знают всё и про всех, и без их помощи нам, операм, не обойтись.

Глава 6

В понедельник, как и обещал начальник уголовного розыска, пришёл прокурор района – поговорить по отказным материалам. Это – те же происшествия, но *не представляющие* опасности обществу: мелкие кражи, хулиганство и т. д. Мне показалось, что этот человек никогда в жизни не улыбался, – а может, уже с рождения был прокурором: его серьёзный вид говорил об этом.

– Я хочу начать своё выступление... – сказал прокурор, обведя всех присутствующих устрашающим взглядом, – ...с нарушений, которые я зафиксировал при проверке ваших отказных материалов. По каждому из них можно возбудить уголовное дело в отношении подписавшихся под ними лиц, на что у меня имеются основания.

Все оперá, слушая прокурора, смотрели в пол – как будто это могло заставить гнев прокурора обойти их стороной. И зря. Потому что прокурор дошёл до тех, кто, по его мнению, уже должен сидеть в тюрьме – первый же отказной материал, под которым имелась подпись, становился его приговором.

– Гусинский! – назвал фамилию прокурор. – Где вы, покажитесь. Встаньте, хочу вас снова увидеть, «синоптик» вы наш!

С места встал Володя Гусинский (опер, которого, как я запомнил со дня знакомства с коллективом, прозвали «Остап Бендер» – интересно, за какие такие заслуги?).

– Товарищ старший лейтенант! – сказал прокурор. – Извините, – «подозреваемый». Да, я не оговорился. Вы что, подрабатываете на полставки на метеостанции? Так вам запрещено советским законом заниматься такой деятельностью.

– Нет, у меня одна работа – в уголовном розыске, – спокойно ответил прокурору Гусинский, даже виду не подав, что он чем-то обеспокоен.

– Мне как прокурору, да и моим сотрудникам, вообще не нужно каждое утро слушать радио и знать, какая погода будет на предстоящий день, как и на последующие. Стоит только ознакомиться с вашими отказными материалами – в каждом находится метеосводка. Вот один из материалов «будущего заключённого Гусинского», – прокурор снова вернул слово, способное каждого опера заставить понервничать. – Я не поленился и просмотрел его лично, не доверяя замам, и вот что из них узнал. Оказывается, у нас в области такие сильные ветры и ураганы бывают – в пору ветряные мельницы ставить. Прочитаю вам несколько строк из материала, которые войдут в «обвинительное заключение» Гусинского и его подельника – некоего гражданина Стеклова, который во всех его материалах проходит очевидцем. Видимо, такая его судьба – быть на всех происшествиях в первых рядах.

Оперá притихли и ждали развязки – что же именно прокурор предпримет в отношении Гусинского. Я слушал и не понимал, почему он всё время упоминает погоду? Синоптиков приплёл, ветры, ураганы, ветряные мельницы... Крышу, что ли, снесло на прокурорской работе...

– Детская коляска, – продолжил прокурор, – оставленная без присмотра потерпевшей Степановой Светланой Сергеевной около магазина «Звёздный», была подхвачена ветром и покатила по улице в сторону реки Уй, где, сорвавшись с крутого обрыва, упала в воду. Река, имея большое течение, подхватила и понесла по своему руслу коляску, в дальнейшем скрывающуюся за горизонтом. Свидетелем этому был гражданин Стеклов Иван Петрович, который, гуляя по улице, увидел унесённую ветром коляску, попытался её догнать, но не смог. Пропустим ещё несколько строк его сочинительства – и вот результат по материалу. Хотя имеется основания, но в возбуждении уголовного дела отказано за отсутствием состава преступления.

Оперá, еле сдерживая свои эмоции, слушали прокурора. По их выражению лица было заметно: ещё чуть-чуть, и они попададут со смеху. Всем было понятно, что Гусинский вынес

решение об отказе в возбуждении уголовного дела по краже коляске незаконно, написав его «от фонаря» – так обычно делал каждый опер, разве что без сводки погоды.

Прокурор сделал паузу, снова обедая своим «гиммлеровским» взглядом всех присутствующих на этом «Нюрнбергском процессе».

– А вот его следующий материал... Можно фильм по нему снимать, если отправить режиссёру, будет бестселлером! – продолжил прокурор. – Оказывается, и тут ветер виноват, – в краже джинсов с бельевой верёвки на балконе у потерпевшей Косулиной. Это надо же такое сочинить! Сколько труда пришлось затратить, писатели бы позавидовали твоему таланту, «обвиняемый» Гусинский!

«Да, прокурор серьёзный», – подумал я. – «Многое я ещё не знаю, в оперской работе нужно будет учиться и учиться, как говорил вождь пролетариата, чтобы не быть на месте „обвиняемого“».

– «Я, Стеклов Иван Петрович, прогуливаясь по улице Советской, остановился около дома №46. Меня заинтересовала дружная работа работников ЖЭКа по засыпке траншеи экскаваторщиком. Внезапно подул сильный ветер. Я медленно стал поднимать голову вверх, чтобы посмотреть на небо, так как побоялся, что пойдёт дождь и нужно будет искать укрытие. У меня с собой не было зонта. Поднимая голову, заметил, как с балкона дома, с бельевой верёвки, ветер сорвал джинсы, и они, крутясь, сначала поднялись вверх, но затем опустились прямо в траншею, где экскаваторщик засыпал их землёй. На следующий день, снова прогуливаясь по этой улице, встретил знакомого сотрудника уголовного розыска – Гусинского Владимира Валентиновича. Он объяснил, что сейчас находится на работе и описывает место происшествия – якобы с балкона неизвестными лицами были похищены джинсы. Я ему объяснил, что никакой кражи не было и он этому свидетель, так как джинсы были подхвачены ветром, упали на самое дно траншеи, а экскаваторщик их не заметил и засыпал землёй. Мы с ним ещё посмеялись, что мне постоянно приходится быть свидетелем случаев, которыми занимаются сотрудники милиции, – наверно, оттого, что большую часть времени я провожу на улице», – прочитал прокурор объяснение Стеклова.

Оперá, не выдержав чтения прокурора, засмеялись. Я понял, что он имел в виду, назвав Гусинского «синоптик». Пользуясь служебным положением, Гусинский брал сводку погоды в лаборатории Гидрометцентра и вкладывал в отказные материалы. Оказывается, всё гениальное просто: не нужно расследовать преступления на своём участке, и статистика учёта преступлений не портится.

– А вы что смеётесь? – снова продолжил своё выступление прокурор. – Это и вас касается – у всех имеются такие нарушения в отказных материалах. Я ещё понимаю – потерпевший – муж или жена, поссорятся по пьяной лавочке, подерутся, протрезвеют, помирятся и не хотят близкого человека привлекать к уголовной ответственности. На это я закрываю глаза и иду вам навстречу – понимаю: не хотите портить статистику учёта преступлений. Пишете в отказных материалах: «Потерпевшие проводили в своей квартире ремонт, один нечаянно упал с лесов при побелке потолка», – а колото-резаные раны у него такие, что нож, получается, аж несколько раз потерпевшего при падении ранил. Тут даже придраться не к чему – читаю и «верю». Но предупреждаю всех – с этого дня буду тщательно проверять ваши «романы». Наказывать буду строго, выговором не отделаётесь – путь у вас один: на нары, к своим подопечным.

Прокурор закончил свой доклад и покинул планёрку.

– Ладно. Всем, думаю, понятен доклад прокурора, а сейчас – давайте по коням, работать надо, – прервал воцарившуюся мёртвую тишину начальник УР, даже не став обсуждать выступление прокурора.

Глава 7

Дни и месяцы шли своим чередом. Я уже узнал некоторые тонкости работы в уголовном розыске, имел хоть какой-то оперской опыт, – но всё же не настолько, чтобы стать профессионалом. По этой причине он меня и подвёл. А дело было так.

– Александр, на твоём участке девушку подколол один жулик, – сказал мне начальник уголовного розыска. – Так что езжай в больницу: ей сделали операцию, думаю, она уже отошла от наркоза. Побеседуешь с ней – возьми объяснение, а то показания потом поменяет... По ряду причин, сам знаешь, верить никому в нашей профессии нельзя.

Взяв фотоальбомы с жуликами в них, я поехал в больницу, чтобы показать их потерпевшей. Если среди них есть преступник – она его опознает. Такое часто бывает, ведь в фотоальбомах имелся весь наш интересующий контингент.

Девушка рассказала, что вечером возвращалась домой, а так как на улице ранняя весна и на тротуаре были лужи – решила пройти по бордюру, чтобы не замочить обувь. Навстречу, так же, как и она, шёл молодой человек, не захотевший её пропустить. Он оттолкнул девушку рукой. Та, не устояв на бордюре, вступила ногами в лужу и не выдержав такого обращения, сказала ему «козёл!». Молодой человек вытащил из кармана нож, ударил им её и продолжил свой путь, как ни в чём не бывало. Она, почувствовав слабость, села на стоящую неподалёку лавочку у подъезда дома. Рядом шла молодая пара, которую девушка попросила вызвать «скорую помощь».

Я спросил – запомнила ли она гражданина по приметам, сможет ли его опознать? Она ответила на вопрос положительно, описав преступника: молодой человек лет 25—30, небольшого роста, на верхней челюсти – фикса из жёлтого металла. Одет был в модную куртку-«аляску» синего цвета, на голове – норковая шапка.

Слушая её, я в памяти перебирал всех известных мне жуликов, подходящих по приметам. Особенно интересовала фикса: не так уж много людей имеют её. На моём участке фиксу имел только «смотрящий» – но не думаю, чтобы он так просто взял и нанёс бы удар ножом, не в его это манере. Я понимаю – у блатных «козёл» считается за оскорбление, а тут – простая девушка, стоит ли обращать на это внимание. Попросил посмотреть фотоальбомы: возможно, она найдёт в них преступника? Полистав альбом, она пальцем показала на одно фото. Я не поверил своим глазам: это и правда был «Хвост», мой подопечный. Неужели мне такое счастье привалило? Есть возможность на законных основаниях посадить в тюрьму лет на восемь того, кто своим поведением всех граждан уже достал?.. Криминальной информации на него море – не только у меня, но и у всех оперов, ведь за ним числятся несколько квартирных краж. Даже грабежами не гнушается – снимает золотые цепочки с девчонок, с которыми знакомится в ресторанах, но заявления они на него не пишут – боятся. А вот за что зацепиться нам, операм, – не было оснований.

Обрадовавшись такому повороту событий, я доложил руководству. Решили на время упрятать обвиняемого в спецприёмник, пока девушка в больнице. После её выздоровления можно будет сделать официальное опознание. Основанием для содержания его в спецприёмнике будет протокол. Сделать его несложно – каждый вечер «Хвост» практически нарушает режим надзора. После восьми вечера забегает в бар – якобы купить сигарет, мы ему это иногда прощали, – но сейчас это будет его последнее посещение, и ждут его «края далёкие и зимы холодные». Впрочем, не так всё и просто в оперской жизни: мечтать – это одно, а практика показывает совсем другое.

Судья вынес решение о помещении «Хвоста» в спецприёмник, где его доставили на новое «комфортабельное» место проживания под названием «бомжатник». Имея на то основание, я

решил посетить его квартиру. Хотелось побеседовать с Маргаритой Ивановной: ведь она так «любит» сына, что казалось – пойдёт мне навстречу, доверится и предъявит «аляску» и норковую шапку. Тут-то я и произведу изъятие – ведь уголовное дело уже было возбуждено.

Маргарита Ивановна мне сказала, что у сына и в помине не было «аляски» и норковой шапки. «Можете пройти и произвести обыск». Я понял, что опоздал, – так уверенно она говорила, что в квартире уже ничего не найти, даже того, что и к делу не принадлежит. Хотя имелось у меня фото (да и не одно), где он стоит в этой одежде. Местные фотографы нам всегда негласно предоставляли снимки жуликов, которые любят фотографироваться со своими освободившимися из тюрем коллегами по воровскому братству. Жулики так выражают свою дружбу. У «смотрящего» всегда найдётся в квартире что-нибудь из предметов или вещей, интересующих нас, оперов. Но больше всего любой опер мечтает заполучить записную книжку с номерами телефонов и адресами жуликов. Для опера записная книжка считается кладом – она всегда имеется у такого контингента, в ней есть воровские записи, без неё жулику не прожить. Но и её я, увы, не нашёл.

Впрочем, ещё оставалась его золотая фикса – всё-таки существенное доказательство для предъявления обвинения, – и есть уверенность довести уголовное дело до суда.

Приехав в спецприёмник, мы нашли для опознания статистов и понятых. Перед опознанием я ещё раз переговорил с потерпевшей, чтобы она держалась в процессе опознания уверенно: будет присутствовать ещё и его адвокат, но он не так страшен, как его малюют. У меня была стопроцентная уверенность – она его опознает. Но девушка, посмотрев на него ещё раз, не опознала. У неё отнялся язык. Желтов так устрашающе посмотрел на неё, что она его испугалась – и у него, к моему удивлению, не оказалось фиксы. Видимо, адвокат всё предусмотрел и посоветовал ему её снять. Такого поворота события я не ожидал – опыта не хватило. Выйдя из кабинета, уже опомнившись, потерпевшая сказала, что это тот самый парень, который её подколол, но она его боится; что ей стало известно, какой это страшный человек на самом деле. Про него ей рассказали подруги на работе, и он среди всех жуликов в нашем городе самый главный.

Не имея веских доказательств, по окончании отбытия срока задержания нам пришлось выпустить Желтова из спецприёмника. Позже оперативным путём я узнал – «аляску» и норковую шапку «уважаемая» мамаша «Хвоста» спрятала у себя на работе в заводском ящике для одежды, тем самым дав мне понять – мол, тебе, Александр Фёдорович, ещё учиться, учиться и ещё раз учиться. Не сказать, чтоб я обиделся – просто решил: сделаю так, что его же дружки его и накажут, – а для этого нужно моему «помощнику», приближённому «к его телу», дать задание. Но сделать этого я не успел.

В один из «солнечных» дней «Хвост», подойдя к своей квартире и не чувствуя опасности, позвонил в звонок. Почему у него не было ключей – непонятно. Дверь открыла сожительница, которая ему недавно родила сына. С верхнего этажа спускался, проходя мимо, молодой человек. Он навёл ружейный обрез на его голову и выстрелил. Череп у «смотрящего» оказался не такой крепкий, как думает молодёжь, мечтающая попасть в блатные, всю жизнь не работать и иметь много денег, – а обычный, как у всех. Череп открылся, и серое вещество – в научных кругах известное как «мозг» – вылетело из него, «окрасив» дверь и тем самым облегчив работу патологоанатому. Дверь стала напоминать картину художника-авангардиста. Приехав на место происшествия и видя этот «холст», я даже пожалел покойника – ему бы жить да жить, не будь он тем, в кого превратился. Радости в моей душе по поводу его смерти не было – как-то всё произошло быстро, не по-человечески. Вот так просто уйти из жизни, не «помучаться» – нехорошо, даже не попрощался со мной, не поговорил, не покаялся. Всё-таки в тюрьме ему было лучше, чем сейчас в аду. Вот это – наказание для человека, а тут – секунда, выстрел, и ты уже на небесах. Как-то незаслуженно получилась у него такая лёгкая смерть. Жулики такого ранга живут «красиво», правда, недолго. Я вспомнил свои слова, когда меня с ним знакомил

Владимир Иванович, – о том, как в подъездах Господь бьёт «смотрящих» молотком по их бес-толковой голове. Видимо, он сменил вид оружия на обрез. Мы убийцу так и «не нашли» – ведь он же невидим, он же был «Богом». Информация по убийству «Хвоста» – кто его отправил на небеса или в ад – у нас имелаась. Был ли он «Богом», неизвестно, – но он сделал доброе дело, а всё доброе ненаказуемо, поэтому решение по его задержанию было отложено.

Глава 8

Работа – она и есть работа, и никуда ты от неё не денешься, но должен быть и отдых. Время на личную жизнь у опера ограничено, но всё же светлые проблески бывают. У одного моего коллеги по службе умер в деревне дедушка, и ему в наследство достался «Москвич—401» – не просто автомобиль, а ретро, образца 1948 года выпуска. Коллега предложил мне его купить. Имея уже достаточно «золотого запаса» в своём кошельке, я согласился. Машина стоила немалых денег – аж 600 рублей, три моих ежемесячных зарплаты.

Купив его, я решил построить себе гараж, ведь авто требует надлежащего ухода. Долго ждать в очереди на право наделения земельным участком под строительство не пришлось. Я уже являлся членом ВДОАМ (Всероссийское общество авто- и мотолюбителей), а автомобилей у жителей района было раз-два и обчёлся: один у меня, другой у моего знакомого по комсомолу – Олега Белых. Правда, у него имелось авто новее моего «Москвича» – «Жигули». Нам, как положено по закону, выделили места под строительства гаражей. Судьба снова нас связала – мы стали соседями по гаражному кооперативу. Олег уже занимал должность секретаря райкома партии, но остался таким же простым, открытым комсомольцем, и у нас завязалась мужская «гаражная дружба». Такая дружба —особенная: время, проведённое в гараже, при ремонте автомашины или подготовке снастей для рыбалки, не засчитывается в стаж в продолжительность жизни. Ну а если распить баночку пива – да ещё с сушёной рыбкой – на капоте авто, автоматически становишься другом на всю жизнь.

Однажды он задал мне несколько вопросов относительно моей работы.

– Александр, мне, как секретарю райкома партии, каждое утро приходится для ознакомления читать сводку происшествий по нашему району. Вижу, в сводках уже третий случай развратных действий в отношении ребятишек. У вас что, никакой информации по ним? Что так долго ищете преступника? И в соседнем районе тоже имеются четыре случая аналогичных преступлений...

– Олег, поверь, делаем всё возможное. Сам участвую в раскрытие преступления. Три из семи на моём участке произошли. В розыске задействованы все вокруг, от бабушек до дедушек. Во всех домах района участковые побывали, и мы с ними на пару. Побеседовали чуть не со всеми жильцами, фоторобот преступника показали. Патрульно-постовые службы, вневедомственная охрана тоже все в курсе. Ищем днём и ночью, результат пока нулевой.

– Неужели никаких зацепок? Хоть что-то у вас имеется?

– Пока нет – рутинная работа. Уже 60 с лишним человек проверили. Сам ведь знаешь: так запросто, открыто, не спросишь жулика – «ты совершил развратные действия?». Дело деликатное, потерпевшие все – несовершеннолетние, 9—12 лет, опознание с ними проводить сложно: насильника же никто из них в глаза не видел. Да и опознание преступника – это для них тоже психологическая травма, приходится работать осторожно. Есть у меня маленькая зацепка — последний случай на стадионе «Центральный». Потерпевший на долю секунды сумел взглянуть на преступника – значит, сможет его опознать. Это когда он с преступником в дырку в заборе пролазил. Жулик о гвоздь рукав своей куртки порвал, в этот момент мальчишка мельком и взглянул на него. Ведь жулик подходит со спины к своим жертвам и сразу им угрожает, чтобы не поднимали голову и не поворачивались назад – поэтому никто из потерпевших его в глаза и не видел. Ведёт их в укромные места и там совершает своё грязное дело. В наших фотоальбомах и картотеках его нет – то ли ещё не был в поле нашего зрения, то ли мы его проглядели. На неделе выберу время – съезжу в одну вспомогательную школу, побеседую с учителями. В основном люди, склонные к таким преступлениям, имеют психические отклонения, как и все геи – то есть «нетрадиционной ориентации» и разные им подобные – они ненормаль-

ные люди, так сказать, отбросы общества. Только некоторые «умные» люди в нашей стране считают, что они, как и мы, – нормальные. Не иначе, сами такие же.

– Таких уродов только сразу к стенке ставить. Они опасны для общества, – сказал Олег.

– А ставить кто должен – я? Так я – маленький человек, простой опер, и такие вопросы не решаю. Вы бы у себя в партии, на вашем съезде, подняли этот щепетильный вопрос и решили. А то лет через десять по всей нашей стране таких геев будет море, поди перелови всех. Не удивлюсь, что и депутатами кто-то из них станет – вот умора-то будет: российский депутат – и пидарас! Слово-то какое противное — вслух и то мерзко произносить. Что его, что «гей».

– Александр, постарайтесь побыстрее его найти – ведь мы о таких происшествиях в Москву сообщаем, и нас тоже, как и вас, за это спрашивают.

– Вас-то за что? Вы что – милиция?

– Нас за всё спрашивают, что в стране происходит, – ответил Олег, понутив голову, дав понять, что работа его не так проста, как думают люди: если с чем должность секретаря райкома партии и сравнима, то только с работой в шахте.

– У нас недавно ЧП произошло – сами до сих пор не верим. Представляешь, наш сотрудник – он водителем работал в БХСС – взял и убил из ревности свою жену. Отрезал от трупа голову, положил в пакет и забросил в поезд с углём, который в сторону нашей ТЭЦ шёл.

– Что-то мне об этом случае не докладывали...

– Не бойся, завтра доложат! Вчера только раскрыли. Дней пятнадцать назад водитель пришёл как обычно на работу, заявил – пропала жена. И хоть бы кто его заподозрил – жена-то, что называется, лёгкого поведения была, частенько вечерами дома не бывала, все это знали и понимали его беду. Ему товарищи говорили – зачем на ней женился? А он по городу вечерами бегал, её искал – с кем на этот раз спуталась. Кого найдёт, с тем и проводит. Смотреть жалко. Любовь зла – полюбишь и козла... Наверно, сильно любил...

– А разве вы не обязаны были выехать на место происшествия к нему домой? Квартиру осмотреть, что положено по следствию сделать... Вы что – этого не сделали?

– Почему? Наши к нему на дом выехали, осмотрели – всё в порядке. Он в частном доме жил, там – чисто, порядок, ничего подозрительного не нашли. Обычное дело – жёны частенько пропадают. Особенно с таким образом жизни. Два-три дня погуляют и возвращаются назад. Да и он – наш сотрудник, как-то некомфортно при нём рыться в его же вещах. В общем, если честно – формально провели осмотр.

– Ну и как – раскрыли преступление?

– Заявителя – нашего водителя – тоже не исключали из категории преступника. Закон такой есть у оперов – кто заявил о преступлении, тот и первый подозреваемый. Потихонечку с ним вели разведопрос, наблюдали, потом выехали снова к нему в посёлок – по месту жительства. Рядом с его домом – болото, камышом поросло. Решили его осмотреть, а там – тело его жены. Без головы. По одежде, конечно, опознали...

– А он что – сразу признался в убийстве?

– Ясно, нет. Он же все наши мульки оперские немного знает. Снова провели осмотр в его доме, и в расщелине пола нашли следы крови. После убийства он пол до блеска выскреб, да не один раз, – вот при первом осмотре ничего и не заметили. Видит – отпираться поздно. Ну и раскололся. Была, мол, семейная ссора, не выдержал и ударил жену – та головой налетела на угол стола и потеряла сознание. Муж испугался: ну как очнётся, обратится в больницу, а там до милиции дойдёт и его уволят из органов. Решил подстраховаться – отрезал голову, а труп спрятал в камышах. Подумал – если найдут, так вряд ли опознают. Мы, конечно, проформы ради съездили на ТЭЦ – поискали голову, так её там, где найдёшь, давно в печи сгорела. Что интересно – свои вещи, кровью испачканные, он хранил в пакете в сейфе у нашего сотрудника.

А тот не знал, что это вещественные доказательства. пожалел их выбросить – хорошие вещи были. Сам знаешь, жадность его сгубила. Даже постирать их не успел.

– Да уж... И правда, никому верить нельзя, – вздохнул Олег, подумав, что в его ведомстве наверняка имеются такие же люди.

– Помнишь, Мюллер в фильме про Штирлица говорил: «Штирлиц, ты никому не верь, а мне можешь»? – сказал я.

Мы засмеялись, оставив грустные разговоры, и вернулись снова к нормальной человеческой гаражной беседе. Решили завтра с утра съездить порыбачить на озеро, половить на удочку карася. Это такое удовольствие, что если с чем сравнить его, так только с полётом на Луну.

Глава 9

Придя на работу в понедельник, я, как обещал Олегу, решил съездить во вспомогательную школу и побеседовать с учителями. Один из учителей, выслушав мою историю о совершенных преступлениях и приметах преступника, рассказал, что несколько лет назад в их школе учился один мальчик, похожий по приметам. Вот только нигде он, ни как сложилась его судьба, учитель не знал. Подняв архив школы, я увидел, что данные этого ученика нам известны – мы с ним уже беседовали, но ничего подозрительного в нём не нашли, – и решил снова с ним побеседовать. Возможно, что в первом знакомстве что-то важное для нас мы могли пропустить. Приехал на завод, где он работал токарем. Предъявив пропуск – удостоверение сотрудника уголовного розыска, по которому пропускают без задержки во все заведения города, – прошёл в цех.

Примерный план беседы уже был у меня придуман: приеду к концу работы и побеседую с ним в раздевалке на тему, что у меня есть знакомый, который хочет стать тоже токарем, что, возможно, он устроится к ним на завод, и не сможет ли парень его научить своему ремеслу? Основным моим интересом будет увидеть его одежду: ведь преступник имел неосторожность её порвать о гвоздь. Но получилось совсем не так, как я планировал.

Увидев меня снова, он бросился бежать: видимо, сработал инстинкт самосохранения, понял, что так просто второй раз «в гости» оперá не приходят. Преследуя его и обегая станки, я поскользнулся на разлитом моторном масле и упал, но быстро встал и продолжил преследование. Догнал его, схватил за одежду, и сразу ему сказал, что пришло на ум:

– Тебя подозревают в совершении кражи магнитолы из «Москвича». Но я знаю, что ты её не совершал.

– Я не совершал кражи, – ответил он, наверно, уже жалея, что побежал – ведь к нему пришли только узнать о краже, которую он не совершал.

Я посоветовал ему успокоиться, одеться и проехать в райотдел – ведь он не виноват, возьму с него только объяснение и отпущу. Успокоившись, он спокойно прошёл вместе со мной в раздевалку, где ключом открыл свой вещевой ящик и стал переодеваться, взяв куртку и надев её. Я заметил, что на рукаве имеется дыра, зашитая нитками. Стало ясно: это и есть тот самый маньяк в розыске. Я доставил его в отдел. Теперь дело оставалось за малым – сделать опознание, то есть пригласить ребяташек и их родителей, понятых и адвоката. Это оказалось тоже непросто: во-первых, понятые по такому делу должны быть людьми уравновешенными и взрослыми, как и статисты, умеющие держать не только язык за зубами, но и свои руки. Процедура опознания не из приятных – ребёнок должен назвать из трех присутствующих лицо, совершившее в отношении его развратные действия, описав при этом в подробностях, как всё происходило, так как «доблестные» адвокаты всегда могут воспользоваться замешательством и помочь преступнику уйти от ответственности. Такая у них работа – защищать маньяков и всякую нечисть, за это им платят деньги. А вот для ребёнка это – ещё дополнительная психологическая травма, но таков уж закон, придуманный нашими мудрыми юристами.

Так и получилось – опознав маньяка с одним из потерпевших, статист набросился на задержанного парня и стал его бить. К нему присоединился и второй. Видя эту картину, понятые (бабушки) испугались увиденного и, не зная, куда им деваться, забились в угол кабинета. Мы со следователем стали их разнимать, адвокат тоже нам помог, и всех дерущихся растащили в разные стороны. Успокоившись, решили отложить все последующие действия с другими потерпевшими на завтра.

Оставшись с парнем наедине, я выяснил, что он, ещё находясь в тюрьме за совершение кражи, стал заниматься «таким делом», и он меня очень серьёзно спросил:

– Александр Фёдорович, ребяташки сами написали заявление на меня, или вы им посоветовали?

Я понял, что он не понимает и не осознаёт совершённые им преступления.

– Заявление за ребяташек написали их родители – ведь они ещё несовершеннолетние, и по закону не имеют право это делать, – ответил я.

Он на несколько секунд задумался и сказал слова, которые я по сей день не могу забыть:

– Надо бы их убивать. Пожалел... Это будет впредь для меня уроком, – и тяжело вздохнул, видимо, уже представляя, как бы всё проделал, если вернуть время вспять: ножом голову у них отрезал, как наш несчастный водитель, или придумал бы другие способы умерщвления, – ведь маньяки горазды на выдумки.

Зная настроение родителей, которые находились в коридоре, я подстраховался и рядом с ними на скамью посадил своего «помощника» из числа людей, добровольно желающих помогать нам в борьбе с преступностью. Он мне сообщил, что, когда я поведу маньяка в камеру, один из родителей его убьёт. Никто из родителей не хотел его прощать – ведь им пришлось менять школы своим ребяташкам в других районах города, так как ученикам стали известны факты развратных действий, над жертвами маньяка стали издеваться одноклассники, и неизвестно, смогут ли они дальше жить с такой психологической травмой. Но всё обошлось – я поговорил с родителями и объяснил, что за любое убийство идёт наказание, да и ребёнок останется без отца, и кому это будет нужно? – никому.

Какова дальнейшая судьба этого маньяка, я не знаю, но уверен – родители ребяташек его в покое не оставят. Суд дал ему большой срок тюрьмы – за каждого ребёнка один год, то есть семь лет заключения.

Работая в отделе или, как говорят в милиции, «на земле», мы раскрывали ещё сотни разных преступлений, но это были только цветочки по сравнению с теми, что мне предстояло раскрывать в будущем. Заниматься такими якобы серьёзными преступлениями, что описывали известные детективные писатели в своих романах – это «детский сад», как говорят в обиходе люди, которым пришлось расследовать уже в ином подразделении и в другое время. И время – которое можно назвать только «бесовским» – настало: в нём смешалось все, что известно за всё существование человека на земле. Смешались все пороки человека, которые описаны в десяти христианских заповедях, собрались они в одном месте, облюбовав для своего проживания нашу страну.

Начало девяностых годов. При правлении страной первого президента России Бориса Николаевича Ельцина есть всё то худшее, что знали русские люди за всю свою многовековую историю. Безнравственность стала основным критерием у всех, от обеспеченных людей – в народе известных как «бизнесмены» – до простого рабочего. Между ними образовалась такая огромная пропасть, что сблизить их могла бы только культура, но и она будто уехала на отдых в тёплые страны, ей люди стали неинтересны. А вот кому эти люди были интересны – так это подразделению под названием «шестой отдел», созданному специально для борьбы с организованной преступностью, которая, как раковая опухоль, расплзлась по всей нашей стране, проникнув во все государственные структуры вплоть до администрации президента.

В подразделение были набраны лучшие сотрудники из всех оперативных служб города, которые смогли бы работать в столь серьёзном подразделении. Пригласили в него послужить и меня. Критерий отбора был только один – оперской опыт, да наличие с десятка «помощников» из числа лиц преступного мира, которые имеют оперативные подходы к преступным авторитетам города. Коллектив состоял всего из нескольких человек. Для них были выделены несколько кабинетов в УВД, а своего отдельного помещения пока не имелось. В коллектив были приглашены и мои коллеги по уголовному розыску – а это самое главное, что нужно для

работы: есть уверенность, есть на кого положиться в сложных ситуациях. Человек познаётся в беде – а у оперов беда ходит по пятам каждый день, ведь розыск или задержание преступника – наша повседневная работа, и иметь за спиной надёжный тыл —главное, что нужно, чтобы не присесть в тюрьму.

Опыта у всех оперов было достаточно, но он никак не соответствовал требованиям к данному подразделению. Пришлось учиться, как говорят в народе, «с колёс», и опыт быстро был приобретён.

Первым раскрытым нами преступлением было расследование по фальшивым банковским авизо с участием лиц кавказской национальности, приехавших в город под видом бизнесменов для покупки автобусов на местном заводе. Получив информацию из источника (гражданина, который сам был чеченцем, но уже несколько лет проживал в городе), мы составили план, где я под видом местного авторитета знакомлюсь с ними и провожу время, показывая достопримечательности города.

Познакомиться с ними не составило труда – пригодилось умение врать всем и вся, нужное при работе в уголовном розыске. Они поверили, что перед ними – бывалый авторитет; тем более, что для этого я раздобыл на рынке золотую цепочку с полкило весом, напоминавшую скорее цепь для дворовой собаки, и футболку и брюки чёрного цвета. Видя такой «персонаж», жулики понимали – с таким человеком можно иметь дело. Всю эту атрибутику должен иметь настоящий жулик, а не милиционер и тем более простой гражданин, поэтому такой гардероб стал моей повседневной одеждой. Носить малиновый пиджак и иметь его в своём гардеробе жуликам не полагается – его носят только коммерсанты (или, как стали их все называть, рэкетеры), что и отличало первых от вторых.

Но главной моей задачей было убедить их поселиться в специально подготовленную гостиницу, где у нас в комнате уже заранее было установлено подслушивающее устройство. Они согласились. Я на время «исчез» под предлогом выезда в другой город, пока меня не заметили местные жулики (которые могли рассказать кавказцам, кто я на самом деле), но, слава Богу, всё обошлось. Время, проведённое с ними, у меня было скоротечным.

Как всегда бывает – план планом, а попадётся в нём исключение – и всё может закончиться не в нашу пользу, и жулики могут скрыться. Никто из нас не знал чеченского языка, даже наш добровольный помощник, у которого был иной диалект. Привлекать других чеченцев к переводу опасно – может сорваться операция. Ограничились тем, что есть. Но кое-что из перевода стало известно – они уже имели в наличии поддельное авизо. Такие денежные поддельные переводы осуществлялись ЦБ незамедлительно. В них указывалось, что банк-отправитель просит перевести деньги на счёт какой-либо структуры в другой коммерческий банк, и бандиты уже имели право получить денежные средства или взять взамен векселя, что они уже и сделали.

Мошенники приехали на автобусный завод, наличными деньгами расплатились за автомобили (перед этим наняв в городе несколько водителей), а остальные автобусы решили на время оставить на стоянке предприятия и выгнали их с территории. Было принято решение об их задержании, где уже наши сотрудники специального подразделения под названием СОБР сделали свою работу. С заводской кассы изъяли деньги – 38 миллионов рублей – и вернули государству, как и автобусы. Судьба у мошенников одна – тюрьма. Так и вышло – их осудили, как и положено нашим законом, и дали, правда, небольшой срок.

В процессе следствия стало известно, как бандитам удалось заполучить фальшивое авизо. В городе Нальчик они узнали, в каком кафе обедают работники одного из банков. Ворвавшись в зал, произвели из автомата несколько выстрелов вверх, чтобы запугать работников банка (что им и удалось). Имея данные на сотрудников банка, они побеседовали с одной работницей, угрожая ей убийством. Испугавшись расправы, та отправила в наш банк несущее

ствующий платёж с реквизитами банка под названием «авизо», тем самым подтвердив легитимность данной банковской операции и не сообщив своему руководству.

Были ещё такие же преступления, которыми нашему подразделению пришлось заниматься в дальнейшем — фальшивое авизо стало для мошенников «лакомым куском», и из народной кассы было украдено (если не обманывает директор центрального банка) около триллиона рублей. Но наш, хоть и небольшой, вклад по возврату денег в государственную казну был внесён.

Глава 10

В один из прекрасных дней из Москвы нам пришло известие, что партия под названием КПСС и структурное подразделение КГБ в России ликвидируются. Такого поворота событий из нас никто не ожидал, как и наши коллеги – сотрудники КГБ, с которыми у нас была налажена оперская дружба и совместная работа по борьбе с преступностью. Был у них ещё один отдел – контрразведка, самостоятельное подразделение, стоявшее под вопросом: быть ему или не быть? Выходило, что отдел по борьбе с преступностью – зеркальный нашему подразделению – должен кануть в Лету, а сотрудников возьмут «под карандаш» – то есть на оперативный милицкий учёт, раз дальнейшая их судьба сейчас зависит от мудрого решения наших милициских руководителей. Которых у нас в органах внутренних дел – раз-два и обчёлся.

Все руководители служить в милиции начинали ещё при царе Горохе, имели звание полковника, и главный среди них – генерал. Все до одного имели партийные билеты и являлись членами КПСС. Руководители такого ранга в процессе своей службы двигаются по карьерной лестнице ускоренным темпом – за счёт лизоблюдства и партийного билета, а не профессиональных качеств, которых не имеют. Оперского и следственного опыта у них не набралось бы и двух лет. Сначала пять лет учёбы в школе милиции или институте, после этого – два-три года «на подхвате» в отделе милиции, вступление в партию КПСС (ещё плюс), затем в академии пару лет прихватят к своему стажу. Ну а когда окончат академию – приходят в милицию уже сразу на высокие должности, вплоть до руководителя подразделения, ничего не понимая в милициской, а тем более оперской работе. Даром что гонора выше крыши. Нас, оперов, такие руководители устраивают – ими можно всегда манипулировать, ведь они умеют делать только одно на работе – подписывать наши оперские документы, имея в своём словарном запасе лишь несколько слов: «Согласен, не согласен, рассмотреть, утверждаю, не утверждаю, уволить». Есть у них ещё одна важная и «тяжёлая» работа – быть ответственными при УВД и лично выезжать на места преступления, – но не на все, а только резонансные, так, для «галочки». От безделья у них долго тянется рабочий день – скукота беспросветная, а вот на месте преступления можно и показать, какой ты профессионал – тоже принять участие в раскрытии преступления. Главное для них на месте преступления – собрать около себя опергруппу, сделать умное лицо и дать задание, чтобы тщательно провели осмотр происшествия. Это значит – сделать поквартирный опрос жильцов дома (возможно, найдутся свидетели), дать ориентировку, направить на экспертизу следы, изъятые с места происшествия (если они имеются), в общем – набор слов. Главное – не забыть в конце своей пафосной речи сказать: «... Вечером доложить о проделанной работе». Карьеру делать, брат, – так нужно иметь внутреннее чутьё, научиться, что называется, ходить между струйками дождя (как говорил партийный чиновник Микоян – «самый умный из армян», друг Хрущёва). Всеми этими качествами милициское начальство обладает, кроме одного – уметь раскрывать преступления.

Каждый уважающий себя следователь, опер, кинолог или эксперт знает, что и как делать на месте преступления. Но вот сказать в глаза большому начальнику, чтобы он на месте преступления не затоптал все следы и не мешал работать – не может: вдруг обидится. Очень они ранимые люди.

Наши начальники испугались такого поворота событий – брать «под карандаш» сотрудников КГБ: ведь и их, получалось, могут так же упрятать под шумок в места не столь отдалённые, – и на работе не появлялись аж целых три дня. Ну а мы, простые опера, оставшись без своих «Чапаевых», «не знали», что дальше делать. Если у начальства имеется повод лишний раз отдохнуть – почему бы и нам не устроить себе такой же пикник? Тем более, к нам в гости пришли наши коллеги из КГБ. Сходили на колхозный рынок, купили вина – нужно же было хоть как-то скоротать время и угостить коллег, – для этого имеется повод, вдруг завтра при-

дётся нам их «расстреливать» в наших подвалах. Все ждали приказа из Москвы, который мог поступить с минуты на минуту. В кулуарах шептались – якобы он уже есть, поэтому напоследок перед «расстрелом» своих бывших коллег, как друзья, хоть посидим «на дорожку». Вид у наших коллег был уставший и удручающий – ведь их судьбе не позавидовал бы никто из ныне живущих на земле, их ждал расстрел.

Целый день во дворе нашего здания они сжигали свои оперативные и личные дела на граждан страны, чтобы избежать наказания. Вдруг кто-нибудь их заберёт и прочтает – а там такое имеется, за что любой мало-мальский шпион или жулик какие угодно деньги отдаст. Столько имеется компрометирующего материала на каждого гражданина – страшно подумать. Поэтому никого в живых из сотрудников КГБ не оставят – такие смутные времена в истории России уже были. Но, слава Богу, всё обошлось – приказа не поступило, подразделение решили оставить в структуре силовых ведомств в стране, сменив лишь название: вместо КГБ оно стало называться ФСБ (Федеральная служба безопасности). Нам было только на руку, что подразделение ФСБ будет существовать – такой уникальной аппаратуры и технических возможностей по опознанию преступников, как у них, у нас ещё не имелось, а лишиться помощников в лице сотрудников ФСБ значило не иметь дополнительной информации, по которой уже имелись совместные оперативные наработки.

Я смотрел на лица своих коллег и думал, что мог бы так же находиться в их рядах, согласись я тогда работать в подразделении КГБ. Не знаю, как бы я повёл себя в такой ситуации... Отец говорил – смогу ли в этом подразделении расстреливать людей, если «страна» прикажет? Но оказалось, что в это смутное перестроечное время эту функцию на себя вместо КГБ берут органы внутренних дел. От судьбы, как говорится, не уйдёшь. В Москве, видимо, разобрались с такой нехорошей ситуацией, когда поделили чиновничьи портфели и решили эту структуру использовать в своих корыстных целях. Зря только оперативные дела на граждан сожгли – придётся снова их заводить.

Для нашей службы тоже придумали новое название – «Управление по борьбе с организованной преступностью». Ей полагалось отдельное здание, которое быстро нашлось – освободилось здание райкома партии и райисполкома. Осталось дело за малым – выгнать из кабинетов остатки членов партии, которые никак не могли ни поверить, что КПСС уже нет, ни расстаться с привилегиями, и ждали, что всё изменится и вернётся на круги своя.

Начальник вызвал меня к себе в кабинет и сказал, чтобы я всех бывших коммунистов выгнал из здания любым способом и выставил охрану из сотрудников СОБРа. По возможности – оставить хоть какую-нибудь мебель для нас, если коммунисты её уже не продали или не растащили по дачам и гаражам.

Но, поговорив с бывшими коммунистами, я понял – выезжать из здания они не хотят, при этом пугают меня вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Но у меня есть приказ начальника – хоть и устный, а приказы не обсуждаются, их нужно выполнять. Да и здание новое – не какой-то райотдел или УВД, построенное ещё во времена Сталина военнопленными немцами, – такого случая больше может и не быть. Сказал нашим ребятам из СОБРа, чтобы они сделали рейд на колхозный рынок, выявили граждан, нарушающих паспортный режим, и привезли всех задержанных в наше будущее здание. Не прошло и двух часов, как задержанные были доставлены и расставлены около стены – руки и ноги в стороны, с опущенной головой.

Коммунисты, видя эту картину, которая никак не вписывалась в их морально-нравственные критерии, подо-гнали к зданию автомашины ГАЗ с надписью на будках «Хлеб» и стали экстренно эвакуировать остатки мебели, грузя их в авто.

«Всё! Задание начальника выполнено – здание очищено от „прошлого“ и принадлежит нам, хотя документального подтверждения пока у нас на руках нет. Ведь настали смутные времена и можно делать всё, что пожелаешь». Так думал не только я, но и мои коллеги. И чиновники, и граждане нашей страны, в одночасье превратившиеся в предпринимателей

и образовавшие предприятия с разными выдуманными непонятными на тот период формами правления ООО, ЗАО, ОАО.

Радость, которая была у нас после приобретения нового здания для нашего грозного подразделения, быстро улетучилась. К нам, как в мавзолей Ленина, выстроилась очередь из людей разных сословий – от рабочего до судьи, прокурора и чиновника, – все хотели одного: чтобы мы им помогли. Руководители нового государства под названием Россия пообещали своим гражданам, что с появлением частной собственности наступят райские времена, и люди будут жить в безопасности, как и их собственность. Правда, не подумали о последствиях. Такие последствия по масштабам разрушения можно сравнить разве что с ситуацией в стране после окончания Великой Отечественной войны. Да и то в тот период у людей сохранились нравственные устои, а в наш, перестроечный, они стали не нужны.

Вал заявлений от граждан нарастал с каждым днём в геометрической прогрессии. Жулики, видя наше замешательство, стали быстро группироваться, создавая свои маленькие подразделения. Некоторые уже имели численность до взвода, другие до роты, ещё чуть-чуть – и у жуликов будет своя армия. Нужно было что-то предпринимать. Методы, опробованные нами на жуликах в райотделах, результата не давали – нужно было создавать свои. И они были созданы.

Глава 11

– Александр Фёдорович, срочно езжай в институт травматологии. Из районного центра доставили коммерсанта с ранением в ногу, поговори с ним и возьми с него заявление. Местные сотрудники милиции боятся им заниматься – говорят, не потянуть им это дело, его подстрелили жулики из Челябинска, и эта банда весь район уже запугала, – сказал мне начальник, вызвав к себе в кабинет.

– А почему я? Чуть что – сразу Косой, – ответил я словами персонажа из «Джентльменов удачи».

– Это твоя же Родина. Тебе и флаг в руки, – отозвался начальник на моё несогласие. – У тебя там родители живут, начальника отдела милиции лично знаешь. Так что давай, занимайся.

– Что они такие трусливые? У нас своих раненых каждый день хватает, да не по одному... – ответил я начальнику.

– Давай езжай, не тяни время, а то ещё кого-нибудь пристрелят – работы у нас прибавится.

Я вышел из кабинета начальника, не зная, с чего начать. Своих дел по городу не перелопатить, а тут в районный центр придётся ехать, да ещё скрытно, как всегда. Настали времена – верить никому нельзя, с жуликами срослись все, образовали ежовый комок – от сотрудников милиции и ФСБ до судей и прокуроров, которые тоже от них не отстают. Приедешь на задержания рэкетиров в районный центр – всем в округе будет известно: у них «в гостях» шестой отдел.

– Валера, готовься – командировка намечается в район, – сказал я коллеге.

Трубин Валера – молодой парень, он был нами выбран из сотен оперов города служить в подразделение, которое стало называться «отдел по борьбе с бандитизмом». Он обладал не только умом и недюжинной физической силой, но и оперативными подходами к преступным группировкам. На него можно положиться в любой ситуации – про таких людей говорят: «своих не сдают». А в нашей работе это – немаловажное дело, ведь посещение нами кабинетов прокуроров – по жалобам на нас со стороны жуликов и их адвокатов, якобы нарушение закона о «вежливом» обращении с гражданами при их задержании – стало обыденным делом для нас.

Главное в нашей работе при беседе с потерпевшими в больнице – не засмеяться, а держать свои эмоции при себе. От постоянных посещений уже имелась с годами нарабатанная практика. Практически все потерпевшие врут, и узнать правду с первым посещением больного трудно. Они всегда найдут причину, что они ни в чём не виноваты, и ещё назовут сто причин, чтобы сотрудники милиции от них отвязались.

Так всё и произошло. Зайдя в палату, я увидел мужчину средних лет, и по виду и манере поведения понял — «наш брат».

– Давай, рассказывай, дружище, как всё было на самом деле. Только давай договоримся: мы всё равно будем заниматься по твоему ранению. Напишешь ты заявление или не напишешь – ранение тяжёлое, так что по закону мы должны принять меры. Давно от «хозяина» (начальник колонии; это слово используется в лексиконе у людей, побывавших в местах заключения)? – спросил я его.

– А как вы догадались, что я был у «хозяина»? – спросил «больной».

– Во-первых, по твоему поведению. И уж наверно, я перед посещением больницы навёл справки – какой ты на земле занимаешь статус, чем дышишь в своём районном центре Мухо-

странске, и ещё много чего полезного. Во-вторых, потерпевшим тебя трудно назвать, и непонятно, кто ты по статусу – коммерсант или блатной.

– Со мной уже разговаривали сотрудники из нашего отдела милиции, но я отказался с ними говорить: они не смогут мне помочь, да им это и не нужно. Практически все сотрудники имеют личное подсобное хозяйство, коров, свиней, денег на жизнь у них не хватает, зарплата нищенская. Живут в частных домах, никто рисковать не хочет. Боятся, что могут их сжечь, как и меня – я их понимаю. Сейчас новый дом достраиваю – немного его доделать осталось, да боюсь – и его сожгут...

– Обещать, что твой дом не сожгут, не могу – я не Господь Бог. А вот с жуликами – как я понял, они из Челябинска – разберёмся, если только они единственные твои враги. Может, ещё у тебя есть враги? Ты же сейчас по статусу кто – коммерсант? Если коммерцией занимаешься, то «спросить» с тебя могут, как с коммерсанта, и наши городские жулики: повод для этого есть. Торгуешь – значит, должен отстёгивать в их воровскую кассу, такой закон сейчас у нас в стране. Выдуман не мной – нашим правительством, так что изменить его я не в силах.

– Только пообещайте, что пойдёте до конца, – сказал он. Видно, жизнь у него и так уже на волоске висела: выйдет из больницы – тут же жулики добьют.

– Слушаю внимательно. Только сначала расскажи, как началось ваше «братостояние» с «братвой» из Челябинска, – стал я беседовать с ним, используя в своём лексиконе слова, которыми и нужно общаться с такими вот «потерпевшими и подозреваемыми» в одном лице. Ведь «расскажите, пожалуйста» и «не затруднит ли вас» никак не дойдут до его сердца и печёнки. Он поймёт только привычный ему язык, и ему будет ясно, что перед ним – тот, кто пришёл не языком потрепать, а реально помочь.

– Мы с компаньоном имеем общий бизнес, занимаемся грузоперевозками. Сначала был один КамАЗ, сейчас купили второй – на пару с ним потихоньку рулим. Поначалу всё шло хорошо – в городке нас знают, никто не трогает. Приезжали как-то из Кургана «бродяги» (лицо, придерживающееся воровских законов), так я с ними поговорил и объяснил, что я по жизни «мужик» – был у «хозяина», на жизнь зарабатываю своими руками. Пошли мне навстречу – не обложили данью, видимо, на них подействовала моя прежняя судимость. За хулиганство сидел, да и вид мой не артистический.

«Больной» приподнялся и сел на край кровати.

– Вижу, скоро побежишь. На поправку идёшь?

– Врач сказал – ещё с недельку полежу, и выпишет.

– Давай продолжай! – приободрил я его.

– В Челябинске, где мы берём товар, к нам на продуктовой базе подошли двое молодых парней. Сначала в разговоре с ними ничего такого подозрительного не заметили, хотя сразу надо было догадаться – рэкетеры, нас хотят под свою «крышу» взять. Поначалу спросили – давно ли занимаемся бизнесом, сколько зарабатываем, как гаишники ведут себя на дорогах, какие суммы им отстёгиваем. Обычные повседневные разговоры. Якобы они хотят тоже заняться грузоперевозками. Мы, как лохи, им все карты и выложили. Они тогда нам в открытую говорят – есть ли у нас «крыша»? Ещё добавили – если мы их обманем, что есть «крыша», а её не окажется – из города не выпустят. Врать не стали, сказали – нет, и мы не нуждаемся в ней. А они: «Ждите тогда в гости». Это были их последние слова.

– Так это каждый день везде по стране происходят. Просто поугадили и всё тут, взяли и разошлись, как в море корабли. Из города выехали без проблем?

– Выехали-то без проблем, а вот в гости они к нам приехали. Как узнали наши адреса – не знаю, видно, в ментуре кто-то им стукнул, по номерам наших машин определили. Приехали прямо ко мне домой на двух машинах, сами понимаете, жена, ребёнок у меня – всех наугадили. Я даже не ожидал такой наглости и вышел к ним на улицу. Они опять – про оказание

нам «помощи», про защиту, про взятие под «крышу». Решил оттянуть время – сказал, мол, посоветуюсь с компаньоном, и перенёс стрелку на вечер. Им объяснил – больше приезжать ко мне домой не стоит, предложил встретиться на выезде из города, на стоянке для автомашин. Они согласились. Я сразу встретился с компаньоном, посоветовавшись с ним, решили им ответить отказом – сначала палец попросят, потом всю руку откусят. Так просто они нас в покое не оставят. Взяли с собой ружьё для подстраховки, приехали раньше назначенного времени на «стрелку» (место и время встречи, часто употребляемое в разговорной речи лицами, придерживающимися воровских понятий).

– Так, насчёт ружья. На учёте в милиции стоит или «левое»? – спросил я его.

– Ружьё? Нашёл на стоянке под Свердловском. Не успел сдать в милицию.

– Понятно – «горбатого лепишь» (говоришь неправду). Давай дальше рассказывай.

– Приехали на место встречи на моей «Волге», но они на стрелку опоздали. Сначала подумали – не приедут, а может, подстраховались, из укрытия за нами наблюдают. Кругом лес, не заметишь, откуда могут вести наблюдение. Они же не дурачки какие-то – попасться в руки ментам. В общем, они скоро подъехали и снова стали наезжать (угрожать). Я заранее приготовился и, предвидя негативное развитие события, на заднее сиденье «Волги» положил ружьё, накрыв его курткой.

Разговор происходил метрах в десяти от машины. Когда поняли – разговор пошёл на повышенных тонах и нас могут «отоварить» (избить), решил не ждать, подбежал к машине, взял ружьё и направил в их сторону. Один из них вытащил пистолет и выстрелил в меня. Я почувствовал боль в ноге. Стрелять в них не стал, испугался и побежал в лес. Отбежал метров сто. Ко мне подбежал мой компаньон... Слава Богу, что рядом с городом всё произошло, а то бы кровью истёк. Он помог мне дойти до больницы, где врач сказал, что немного повреждена кость, и оказал помощь.

– Почему врача и милиционера обманул, что сам себе нечаянно ногу пристрелил? Ведь ранение пулевое, не гвоздём поранился.

– Пришлось врать. Милиция такими случаями серьёзно занимается, от неё не отвяжешься – ещё статью могут «пришить». Про ружьё ничего им не сказал – в лесу мы его спрятали, а милиционеру объяснил – мол, нашёл у водоёма пистолет. Когда его осматривал, он непроизвольно выстрелил, и я от отчаяния выбросил его в водоём.

– Вам бы всем, сказочникам, сказки писать! Столько лишней работы нам в уголовке приходится делать – и всё для того, чтобы вам, дурням, помочь...

– Компаньон сходил на место встречи, но моей «Волги» уже не было – они угнали в Челябинск. Позвонили ему и сказали, чтобы я им отдал ещё и техпаспорт, и что «Волга» принадлежит сейчас им. Типа компенсация за моё поведение. Мой дружок им сказал, чтобы они со мной напрямую решали этот вопрос – без посредников, так что ещё приедут «в гости» – когда выпишусь из больницы.

– Вот это ближе к делу, – сказал я. – Давай договоримся, о дальнейших наших действиях. Выписываешься из больницы, ждёшь их звонка и сообщаяешь мне. Телефон я тебе свой оставляю. Компаньону и родным в своём городе Мухосранске о нашей встрече не говори – сами приедем к тебе, всё организуем. Случай, произошедший с тобой, для нас является обычным рабочим моментом – их таких каждый день не по одной паре происходит, уже наработано по накатанной – привлекать к уголовной ответственности таких дерзких ребят. Сразу говорю: раз уж пошёл по этому пути – иди до конца, оставайся «мужиком». Мы тебе поможем.

Глава 12

Долго ждать звонка от моего «раненого потерпевшего» не пришлось. «Сарафанное радио Мухосранска» сообщило рэкетирам, что клиент вышел из больницы, жив, здоров и ждёт их в гости. Рэкетеры ему позвонили и назначили день и место встречи – в его новом строящемся доме. Видимо, и дом был ими уже облюбован для дальнейшего изытия. Потерпевший сразу позвонил мне. Мы все дружной оперской компанией – Трубин Валера, Нуржан Ашимханыч (ещё один из сотрудников нашего бандитского отдела, по характеру – философ и дипломат) и я – совместно с сотрудниками СОБРа выехали на долгожданную встречу. Ребята из СОБРа ждут встречу с жуликами, как евреи – манну небесную. Для них это – «момент истины»: встретиться с жуликами с глазу на глаз и при этом «красиво» их задержать, применив свои «японские» приёмы и навыки. Ведь каждодневные тренировки в спортзале с избиением чучел – это одно, а вот на живом материале – совсем другое. Здесь можно убедиться, что занятия для них не прошли зря. Внутренняя их энергия, которая, как у застоявшихся в стойлах лошадей, скапливается в процессе каждодневных тренировок, должна выйти наружу. И она выходит – да так, что рэкетеры после «дружеской» встречи с СОБРом долгими зимними вечерами в местах заключения вспоминают её с содроганием сердца.

Так и произошло. Прибыв в городок (а была уже ночь), мы распределили всем «роли», как в театре – разве что репетиций не предусмотрено, как говорится, играем с листа.

СОБРовцы будут находиться во дворе дома, часть сотрудников – внутри его, приоткрыв при этом окна, чтобы иметь возможность быстро выпрыгнуть и заблокировать жуликов по команде «Захват». Впоследствии они всех жуликов препроводят во двор, чтобы меньше было свидетелей среди гражданского населения. Мы, оперá, будем находиться в укрытие недалеко от дома в своём авто – в пределах видимости, наблюдая в бинокли. Как всегда, перед таким мероприятием с потерпевшим была проведена предварительная беседа, где он получит по рации от нас команду, выйдет на улицу и встретит жуликов. Все разговоры его мы будем слышать, так как в его одежду была вшита «закладка» – подслушивающее устройство. Такая операция по захвату жуликов для нас по сложности простая – мы их проводим практически каждую неделю, и были уверены, что всё пройдёт гладко. Но в каждой операции есть свои издержки. Эта не была исключением.

Момент истины настал – жулики подъехали к дому на двух машинах. Вышли – видимо, дальняя дорога вымотала их. Я увидел среди них одного «персонажа», одетого в белый костюм – наверно фильм Никиты Михалкова «Жестокий романс» сильно повлиял на его гардероб, обозначавший только одно: хоть как-то выделять владельца среди «братвы» и показать, что он – главный. Потерпевший по нашей команде вышел к ним. «Дружеский» разговор у них сразу не склеился – они потребовали от него паспорт на автомобиль, высказали кучу всяких нехороших слов, которые могут понимать только жулики (да ещё мы, оперá, в силу профессии). Они не хуже, чем экстрасенсы и гадалки, предсказали его дальнейшую судьбу – мол, он не доживёт и до зимы за такое дерзкое поведение.

Прозвучала команда «Захват!» для наших ребят из СОБРа. Доля секунды – и они выскочили из окон дома и его двора, одетые в «красивые» чёрные костюмы с балаклавами на голове, с автоматами ПП—90 в руках. Прозвучало их любимое «Шестой отдел!» и автоматный салют в честь их приезда. Все рэкетеры дружно легли на землю, кроме одетого в белый костюм – непонятно, по какой причине он не подчинился приказу. Но и он, как его друзья, вскоре принял горизонтальное положение.

Мы на своём УАЗе рванули к друзьям на помощь. Во дворе дома жулики уже были под контролем СОБРовцев, как и полагается в их понимании задержания: руки на стенку, ноги

на ширине плеч. Я стал их считать, чтобы убедиться, все ли подопечные в сборе, – и не обнаружил двоих. Считать до восьми меня в школе научили, и точно помню: сам наблюдал за ними в бинокль, должно быть ровно восемь. Один вскоре нашёлся – оказывается, СОБРовцы его затащили в дом для «профилактической беседы» (среди них тоже имелись любители пофилософствовать о приличном поведении в общественных местах). Второго я нашёл в соседнем строившемся доме, в ванной комнате, сидящим на корточках за унитазом. Наверно, надеялся – спутают с унитазом и не заметят, но ошибся. Найти его, впрочем, оказалось непросто – электричеством дом не оборудован, пришлось идти наощупь. Страх, конечно, был – я же человек, и пулю получить в ухо или мизинец как-то не хочется. Но такая наша работа – каждодневно рисковать своей жизнью, мы же оперá бандитского отдела, а не сотрудники паспортного.

Я его спросил – как он сумел так незаметно от СОБРовцев спрятаться? Он ответил, что вообще не понимает, за что его задержали. Мол, он простой рабочий, занимается ремонтом в этом доме. Услышал выстрелы, испугался и спрятался, а одет в гражданскую одежду потому, что ещё не успел переодеться. Всё-таки есть в оперской работе моменты, где получаешь удовольствие – хотя бы от таких «Жванецких», которые умеют врать и не краснеют.

Доставив его к своим друзьям, я решил разыграть сцену, которая вошла бы в лучшие моменты фильмов про отечественную войну с участием сотрудников НКВД. Ведь главное для нас – вещественные доказательства, установление истины; нам нужно узнать, где находится угнанная «Волга», а остальное – только показушное шоу для граждан.

– Вы почему не выполнили мой приказ? – сказал я, грозным тоном обратившись к СОБРовцам. – Есть секретный указ президента нашей страны №227 от 1991 года – при задержании рэкетиоров, мы имеем право парочку из них застрелить. Почему не исполняете?

– Извините, товарищ капитан, – сказал мне Вадим Есенбаев, – сейчас исполним!

Он подошёл к одному из задержанных, повернул его к себе лицом, направил на него автомат и приготовился стрелять.

– Старший лейтенант! Подождите минуту, я его хочу спросить, – сказал я. – А то расстреляем, а он – единственный среди задержанных, кто знает, где находится угнанная «Волга».

– Я не знаю, где она находится, – ответил будущий «расстрелянный». Наверное, думал – мы с ним шутим: ведь он – гражданин России, обладает всеми правами, которые ему предоставила наша Конституция, а на подобные «штучки» русские офицеры не способны – ведь они присягали Родине, что будут защищать граждан. Что ж, ошибся – бывает.

Автоматная очередь холостыми патронами над его головой нарушила тишину. Он от испуга упал на землю, свернувшись в клубок, и дрожащим голосом закричал:

– Не стреляйте! Я не знаю, где «Волга», Сергей ей занимался!

Что и перевело его из категории жуликов снова в разряд порядочных граждан – поскольку было не чем иным, как добровольной помощью сотрудникам милиции.

– Кто из вас Сергей? – обратился я к задержанным, которые от страха все дрожали и еле стояли на ногах.

– Его среди нас нет – наверно, в доме находится, его увели ваши сотрудники, – ответил мне «Никита Михалков».

Я зашёл в дом, где и обнаружил Сергея на кухне. Он, как и наш «расстрелянный», свернулся клубком и прилёг в углу. Видимо, беседы с СОБРовцами дурно повлияли на его мозг, он устал и решил отдохнуть.

– Брат, – обратился я к Сергею. – Ты же сейчас мне «брат навеки»? Давай будем с тобой «дружить». Дальнейшая судьба твоя зависит только от тебя и от твоего осознания, что произошло с тобой за последние месяцы. Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Нет, не понимаю вас. Почему вы нас задержали? Нам нужен адвокат, – ответил Сергей.

– Где у нас адвокат? – спросил я СОБРовцев.

У нас в шестом отделе «адвокатом» называют резиновую милицейскую палку для защиты от хулиганов. Видимо, в Челябинске адвокатами называют людей, – но до нас пока цивилизация и её процессы не дошли, и поэтому он этого не знал. А надо бы. «Адвокат» появился откуда ни возьмись и стал с ним «разговаривать» на своём «резиновом» языке без слов. Сначала пытался достучаться до его мозгов через ноги, потом – руки, и, когда дошло до головы, эта часть тела вспомнила, где находится похищенная машина. Потери памяти у людей частенько бывают – особенно у тех, кто не хочет жить, как все нормальные люди, а пытается пожить на чужом имуществе, как этот рэкетир. Приходится восстанавливать её вот таким старым, проверенным дедовским методом.

– Я вам правду говорю – я не знаю, где она находится сейчас! Знаю, что «Волгу» продали одному директору совхоза в нашей области, а где проживает, не знаю! – ответил он.

Каждый уважающий себя жулик, пока его не станут «прессовать» оперá, будет отпираться до последнего момента, надеясь хоть как-то уйти от ответственности. Признание пойдёт в дальнейшем не в его пользу – это они знают, как молитву «отче наш». Знаем и мы, имея за плечами такую школу и опыт по допросу вот такого «контингента», что нужно идти с ними до конца. У нас – оперов – имеются десятки наработанных с годами сценариев по разработке причастности таких лиц к преступлениям. Сказать, что они незаконные, противоречат конституции и нравственному облику сотрудника милиции? Я бы так не сказал. Ведь мотив и умысел направлен не для удовлетворения своих амбиций, а для установления истины – помочь гражданину вернуть украденное имущество, ведь у нас основная задача – помощь гражданам, что и делаем каждодневно. Особенно когда жулики берут в заложники ребёнка или другое иное лицо, и для нас, если вовремя не получим признание от преступников, промедление может обернуться смертью заложников. Такие случаи у нас уже были – их вынимали из погребов, из квартир, где их пристёгивали наручниками к батарее. А когда не успевали вовремя расколоть преступников – они убивали заложников. Да, приходится рисковать, можно за это и угодить за решётку, так как прокуроры и судьи ждут таких громких дел: для них упрятать опера в тюрьму – наслаждение, пока им самим жулики по голове не настучат (были и такие случаи в моей практике).

Помню один такой случай. Я ещё работал в райотделе, когда нашему районному прокурору, покупавшему пиво в пивнушке, хулиганы поставили синяк под глаз. Впридачу ещё и забрали прокурорские корочки, которыми он пытался всех удивить и запугать. Но он же, в силу своих умственных способностей, не знал, что при покупке пива все граждане равны по социальному статусу, и очередь нужно соблюдать, а не корочками махать, используя их как льготу по прохождению к кассе.

Когда мы со следователем выехали к нему домой – он праздновал получение квартиры со своими друзьями прокурорами, – синяк под его глазом так сверкал, что следователь Татьяна, симпатичная наша девушка, засмеялась. Недовольный нашим поведением прокурор стал нас обвинять, кричать, что мы работаем отвратительно, раз уже прокуроров на нашей территории бьют.

Оказывается, прокуроры – тоже люди, и пьют так же, как все обычные граждане. До полного удовлетворения им не хватило спиртного – решили добавить, послав за ним «самого» прокурора. Слава Богу, что он был без формы, а то бы и её сняли. Помахав корочками перед гражданами возле пивного киоска, он решил купить пива без очереди. И народу-то было немного – человек 50, можно было постоять в очереди часа два. Решил, если он прокурор этого района – можно и без очереди воспользоваться этой льготой. Но стоило было знать, что с рабочим человеком надо разговаривать на его простом языке, всего-то сказать «пожалуйста». Думаю, граждане пошли бы ему навстречу. Пиво ему, конечно, продали, – только забрали прокурорские корочки и трёхлитровую банку разливного вкусного пива, а это, по его мнению, уже грабёж. И он хочет, чтобы мы по этому факту возбудили уголовное дело, признали его потерпевшим,

нашли преступников, возвратили корочки. Ну а ещё страшнее, что может быть на свете, – он является членом партии. То есть это уже преступление против государственного деятеля. Пришлось подчиниться приказу прокурора и возбудить уголовное дело. Корочки я, конечно, ему нашёл – были у продавца киоска. Добропорядочные граждане, отобрав их и прочитав, кому они принадлежат, испугались. Не поверив, что перед ними был настоящий, не липовый прокурор, побросали банки с пивом и убежали – страх у людей ещё со времён 37-го года как остался, так и не прошёл. Искать неизвестного «визажиста», который так «разукрасил» прокурора, я не стал – из уважения к себе. Да и прокурор, протрезвевший на второй день, подумал, что «раздувать» этот случай дальше не стоит, забрал уголовное дело в свою прокуратуру, и по сей день не знаю, где оно там находится – видимо, сжёг. Ну и пусть – хотя бы не будет карающего прокурорского меча над нашими головами.

Один из сценариев я решил применить и в отношении рэкетира. Взглянул на Валеру и спросил:

– Валера, посмотри, что там с раненым? Может, помощь нужна, а то истечёт кровью, потом придётся отписываться перед прокурором.

Валера вышел из дома, но через несколько секунд вернулся.

– Саня, он концы отдаёт... Что делать?..

Я принял вид думающего человека, выждал время, якобы обдумывая дальнейшие свои действия, и сказал:

– Так добейте его, увезите в лес и закопайте. Не забудьте ветки положить на его могилу – для приличия. И смотрите на грибников не нарвитесь, как в прошлый раз. В машине целлофан постелите. Да, ещё чуть не забыл – где он лежал, землю лопатой перекопайте. А то свидетелей много, можем под статью попасть, а так – следов крови нет, тупа нет, значит – привлекать к уголовной ответственности некого.

Валера вышел из дома. Раздался пистолетный выстрел.

– Царствие ему небесное, – сказал я, обратившись к жулику, сделав вид, что ничего такого страшного не произошло – обычная для нас рабочая обстановка. – Ладно, это всё лирика; давай продолжим с тобой беседу.

– «Волга» находится у директора совхоза им. Калинина, он ждёт от меня техпаспорт – дал задаток за неё... Только не говорите братве, что от меня исходит информация.

Всё-таки есть в таких методах допроса та грань, за которой открывается у жуликов сознание добропорядочного гражданина и желание помочь следствию.

– Договорились – «своих» не сдаём, – ответил ему я. – Такой у нас есть оперской закон: люди, «сдавшие» один раз, уже переходят в другую категорию – добровольных помощников милиции.

Ещё одним сотрудником внутренних дел больше – главное, государству не придётся платить деньги: будет «работать» на добровольных началах. И с каждой задержанной нами банды всегда найдутся один-два жулика, «добровольно» изъявивших желание нам помогать в борьбе с преступностью. А это уже позитивное начало. Со временем преступность исчезнет, так как все жулики в её рядах будут нашими сотрудниками. Это наша оперская мечта.

Действовать в таких случаях нужно оперативно и не откладывать на завтра, так как потом может быть поздно – машину просто сожгут или перепродадут, такое в моей практике тоже бывало. Дал распоряжение сотрудникам, чтобы всех задержанных увезли в местный райотдел и допросили, проведя все положенные в таких случаях следственные действия, чтобы прокуратура и нос не подточила. Всегда бывают издержки в нашей профессии, так и в этом случае с рэкетирами – у одного из задержанных лопнула селезёнка, когда он пытался сопротивляться СОБРовцам и повредил её своим же коленом при падении. Пришлось отвезти в больницу, где, как всегда, у врачей очередной день рождения – да ещё, как назло, у хирурга.

Пришлось дожидаться другого врача, который удостоверившись в нашем названном диагнозе и удивившись, что он был правильным, таки сделал больному операцию. Его врачебная практика по сравнению с нами ничтожно мала – ведь у нас с «больными» приходится встречаться ежедневно. Убедились, что с гражданином всё будет в порядке, и только потом прооперировали. А это тоже входит в наши обязанности – следить не только за своими сотрудниками, но и помогающими нам персоналом – от врачей, прокуроров и судей.

Взяв с собой в командировку двух сотрудников СОБРа и потерпевшего с техпаспортом на машину, я поехал к директору совхоза. Время ещё позволяло засветло, часа за четыре, добраться до совхоза им. Калинина. Знал бы покойный Михаил Иванович Калинин, что совхоз, названный в его честь, возглавляет директор, который скупает ворованные машины, – точно потребовал бы от совнаркома переименовать его.

Встретил нас директор недружелюбно и вызвал на помощь своего участкового инспектора. Тот встал на его сторону, стал препятствовать мне и законному владельцу автомашины – ведь задаток был им отдан. Пришлось снова применить те знания, которым учили меня опытные опера, а именно – взять лист бумаги и не спеша начать писать протокол. Конечно, писать его нужно обязательно при понятых, и те граждане, которые препятствуют законным действиям сотрудников милиции, сами нарушают закон. Всю свою «писанину» обязательно проговаривать вслух – так быстрее доходит до мозгов у людей, – указать в протоколе их фамилии, должность и, конечно, не забыть сказать, что их ожидает в дальнейшем за противостояние с милицией (как всегда, тюрьма).

Составление протокола подействовало на всех отрезвляюще – машина была отдана владельцу. На память директору совхоза им. Калинина осталась бумага, что «своей» автомашины, как и задатка за неё, он больше никогда не увидит.

Как поёт в своей песне Владимир Высоцкий: «...Конец простой: пришёл тягач, и там был трос, и там был врач...» – так и в нашей истории: сначала для рэкетиров было следствие, затем – суд, и, конечно, их отправка в места заключения. Что они из этой истории взяли себе на пользу – не знаю, думаю – ничего. У них работа такая – грабить людей, а наша – их ловить. А гражданам – всегда быть под их «прицелом». Если повезёт в жизни – останутся живыми. Не повезёт – значит, у них такая судьба-злодейка.

Преступность захлестнула всю территорию нашей страны – ведь к власти пришёл первый президент нашей страны Борис Николаевич Ельцин со своей семьёй и ближайшими помощниками, которые решили, что нужно провести приватизацию всего имущества, ранее бывшего государственным. Но они не подумали, что это начало конца существования страны под названием Россия. Руководствовались ли они своими умственными способностями или корыстными целями – неизвестно. Но для нас, оперов, прибавилось столько работы, что нашим местом проживания стала не квартира, а кабинет в здании шестого отдела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.